

Искорка[★]5

1979

ISSN 0130-6375

№ 5

Искорка

МАЙ • 1979

год издания XXIII

Владимир ОРЛОВ

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
газеты
«Ленинские
посылы»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Ленина

Барабанщик впереди

Рассветные полощутся
Знамёна,
И галстуки алеют
На груди.
Походные равняются
Колонны,
И юный барабанщик
Впереди.

Играй же, барабанщик,
Построенье
И помни при опасности
Любой,
Что от тебя зависит
Настроенье
Товарищей, идущих
За тобой.

Тобою открывается
Дорога,
Распахнутая
В утреннюю рань.
Чтоб за тобой
Друзья шагали в ногу,
Точнее, барабанщик,
Барабань.

Знамёна развеваются
В рассвете,
В рассвете и земля,
И океан.
Румяный день
Шагает по планете,
И солнышко на нём,
Как барабан!

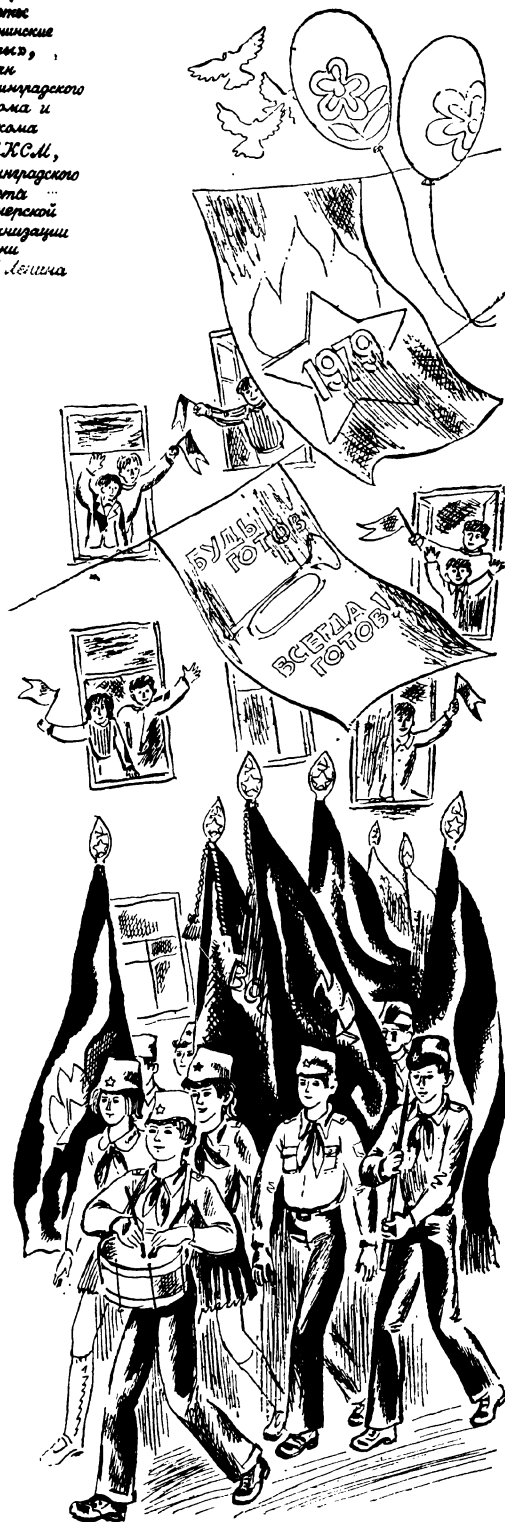

Рис. Л. Коломейцевой

Василий ОСТРОВСКИЙ

НА ИВАНОВСКОЙ, 14, НА МОЙКЕ, 32

В конце 1910 года пришла на заводские окраины Петербурга газета «Звезда». Выходила она раз в неделю. Лишь иногда, случалось, два раза выйдет и уж совсем редко — три. Газета была боевой, стойко защищала интересы рабочих. Из-за границы руководил ею Владимир Ильич Ленин, спланировал вокруг газеты пролетариев, громил на страницах «Звезды» предателей-ликвидаторов. В редакцию «Звезды» часто поступали письма от рабочих: дескать, получать раз в неделю «Звезду» — дело хорошее, а вот читать рабочую газету каждый день — ещё лучше! Нельзя ли открыть такую газету? И тут же наказ давали: должна эта новая газета быть «политической выразительницей борьбы русского пролетариата». Печатала «Звезда» эти письма на своих страницах.

28 января газета поместила сообщение о том, что бакинские нефтяники приступили к сборам средств в фонд ежедневной рабочей газеты. На их призыв откликнулись другие города. В январе рабочие провели четырнадцать сборов на издание новой газеты, в феврале — восемнадцать, в марте — семьдесят шесть. Уже имя у будущей газеты появилось — короткое, точное, гордое — «Правда».

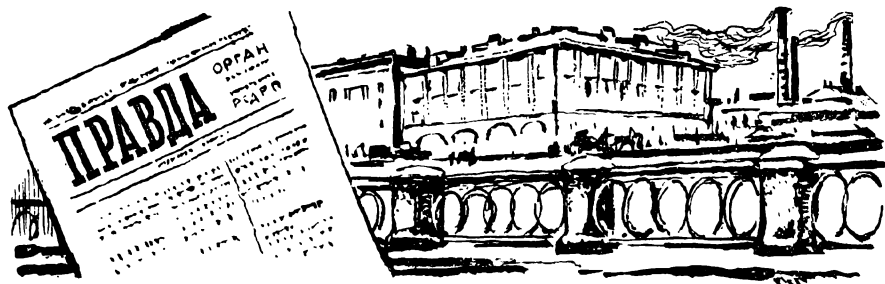
В апреле Ленин писал из Парижа в «Звезду», спрашивал: когда выйдет «Правда»? Каков будет её формат? Статьи какого размера желательны?

Тем временем петербургские большевики искали типографию, которая взялась бы печатать будущую газету. Нашли.

На Ивановской улице (сейчас она называется Социалистической) стоит дом под № 14. Хозяин дома — инженер-путеец Владимир Петрович Березин фасад своего здания облицевал гранитом, окна украсил богатыми наличниками, возле парадной установил металлические светильники. Но самое интересное заключалось в том, что построил инженер Березин не доходный многоквартирный дом, а промышленное предприятие. Вокруг — жилые дома, а между ними — крупнейшая в городе типография «Художественная печать» с новыми наборными и ротационными машинами, с отменными мастерами-полиграфистами. В типографии можно было печатать сразу несколько газет и одновременно выполнять ещё массу мелких типографских заказов. Печатался здесь меньшевистский «Луч», а рядом — «Звезда». Согласился Березин печатать и «Правду».

Работал в ту пору в березинской типографии Михаил Егорович Егоров. Наборщиком. По молодости лет никто его ещё Михаилом Егоровичем не величал, звали просто Мишей. Но хоть и молод был Миша Егоров — что к чему, умел разобратся. С большевиками был всем сердцем.

В середине апреля 1912 года отзывает его как-то в сторону метранпаж (тот, кто в типографии газету верстаёт) Приходько и говорит:

— Есть к тебе дело, Егоров. Поручили мне товарищи спросить тебя: не согласишься ли ты стать ответственным редактором новой газеты?

Миша даже присвистнул от удивления.

— Шутите,— говорит.

Да нет, дело нешуточное. Объясняет ему Приходько, что новая газета будет рабочей, боевой, революционной. На неё штрафы посыплются. А коли платить нечем...

Дальше Миша и сам знает: нечем штрафы платить — редактора в кутузку.

— Настоящих-то специалистов-редакторов у большевиков раз, два — и обчёлся,— снова продолжает Приходько.— Одни по тюрьмам сидят, другие в ссылке. Настоящего редактора потерять — всю газету под удар поставить. А ты посидишь маленько да выйдешь. Что с тебя взять?!

Задумался Миша. С одной стороны — не сладко в тюрьму садиться. С другой — холостой он, бездетный. Да и товарищам надо помочь. За рабочее дело и посидеть можно. Согласился.

В канцелярии градоначальника оформили Мишу, как положено, и стал он для царя-батюшки как бы официальным редактором, а на самом деле — подставным, зиц-редактором, что в переводе с немецкого означало: «сидячий редактор», «редактор для отсидки».

Под первым номером новой газеты «Правда» появилась его редакторская подпись: «М. Е. Егоров».

Тогда же Миша познакомился с первыми правдистами. С Еремеевым Константином Степановичем. Его в типографии никто по имени-отчеству и не величает, все зовут просто дядя Костя. Похоже, что работает он круглые сутки: и отдел писем ведёт, и ночным редактором трудится, и распространением газеты ведаёт. Не только всех представителей с заводов знает, но и с каждым мальчишкoй-газетчиком лично знаком, и они в нём души не чают. Да и типография тоже его в первую очередь касается. То он сидит за столом, заваленным бумагами, трубочкой попыхивает, то с нею же, неизменной, возле наборных касс стоит. Оттуда опять в редакционную комнату под самую крышу. Вся-то редакция — трёхкомнатная квартирка. В ней, кажется, и не повернуться, а народу всегда полно.

Больше всего толпится людей возле стола Конкордии Николаевны Самойловой. Она — секретарь редакции, к ней в первую очередь все материалы, все письма идут. А письма эти, корреспонденции рабочие,— попробуй ещё прочитай! Чаще всего написаны они на серой обёрточной бумаге, да такими каракулями, что буквы понять трудно. Народ-то писал малограмотный. Но Конкордия Николаевна всё разбирает, всё понимает. Для неё дороже этих каракулей и нет ни-

чего. А то ведь и такие люди в редакцию заглянут, что вовсе писать не умеют. «Мы вам расскажем,— говорят,— а вы уж сами это всё на бумагу запишите и непременно в газете напечатайте».

Принимает посетителей, правит корректуру и Анна Ильинична Ульянова-Елизарова. Иногда столько навалится на неё заметок, писем, гранок, что одной и не управиться! Тогда она себе помощника берёт — приёмного сына Гору.

С Николаем Гурьевичем Полетаевым видаться приходится реже. У него и других забот много — член Государственной думы! В газете он значится издателем. Считается, что это он даёт деньги на издание газеты. Да какие у него деньги? Откуда? Деньги на «Правду» рабочие собирают. Медные пятаки составляют газетную кассу.

Видел Миша и поэта Демьяна Бедного. Ух и ядовито пишет! Басни его, стихи не то что читают — мигом наизусть заучивают! Сидит над стопками гранок Прасковья Францевна Куделли. Заходит иногда Михаил Степанович Ольминский.

Других сотрудников «Правды» Миша не знал. В редакции они не появлялись: конспирация не позволяла им делать это. А трудились тогда над изданием «Правды»: Я. М. Свердлов, М. И. Калинин, И. В. Сталин, А. С. Бубнов, Н. Н. Батурин, Н. И. Подвойский, А. Е. Вадаев...

Стремясь быть поближе к газете, переехал к самой границе России и Владимир Ильич Ленин. Отвечая на вопросы полицейского комиссара, заполнявшего «вид на жительство», Ленин указал: «Прибыл в Краков и здесь намерен жить. Состою корреспондентом русской демократической газеты «Правда», издаваемой в Петербурге... что и является источником моего существования».

22 апреля (5 мая по новому стилю) вышел первый номер «Правды».

Царская цензура долго ждать себя не заставила: уже 27-го нагрянула в типографию полиция — конфисковать недозволенное! Но и правдисты были не лыком шиты! Полицию они ждали каждую минуту. Чуть заметят, что едут, — сразу команда даётся: «Прячь!». И тают, тают стопы новенькой, только что отпечатанной газеты. Лежит, к примеру, стопа меньшевистского «Луча» или какой-нибудь «Земщины» — в середину этой стопы запикиваются номера «Правды». Сыщи попробуй! Другие прячут в груды макулатуры. Третьи — на чердак! А потом эти номера посыльные с заводов незаметно к себе унесут. Вот и выходит: номер газеты конфискован, а на заводы пришёл!

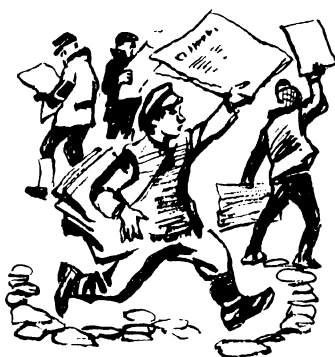
Полиция, конечно, бесится, цензура штраф за штрафом на «Правду» накладывает. По самым крупным тарифам штрафует — по пятьсот рублей!

Пока деньги в кассе были, удавалось откупаться, да вскоре они кончились. Настал час Михаилу Егорову в отсидку идти. Сидел он и в Коломенской части, и в Нарвской, и в «предварилке». Следователи завели на него «дело». Вызывают, спрашивают:

— Вы статью «Партия и профессиональные союзы», опубликованную вашей газетой, читали?

— Читал, — отвечает Егоров. — В номер подписывал.

Припоминает: был в той статье призыв к выходу на первомайскую демонстрацию. Значит — статья 1034, пункт 2 «Уложения о наказаниях»: «возбуждение к устройству воспрещённых законом скопищ». Стало быть — сидеть. С одной стороны — грустно, с другой — и не очень. Не в том дело, что он в тюрьме, главное — выходит «Правда». Новый зиц-редактор номера подписывает.

(Заглядывая через годы вперёд, можем сказать, что Михаил Егорович Егоров, выйдя из тюрьмы, снова вернулся в типографию и так же преданно помогал большевикам. После Октябрьской революции набирал он строки «Ленинградской правды». В годы Великой Отечественной войны работал ночным верстальщиком в газете «На страже Родины». Погиб от голода, прямо на своём типографском посту, в январе 1942 года).

А тогда — в 1912-м — по улицам заводских окраин бежали мальчишки-газетчики, размахивали свежими газетными

листами и, не жалея лёгких, кричали:

— «Правда»! Рабочая газета «Правда»!

Из далёкой эмиграции Владимир Ильич Ленин продолжал руководить газетой. Письмами и «с оказией» посылал он в «Правду» статью за статьёй. Потом уже подсчитали, сколько их всего было. Двести восемьдесят! Добавьте к ним ещё семнадцать тысяч рабочих заметок и корреспонденций, десятки статей соратников Ильича — и сразу понятно, почему так неистовствовала царская цензура. Из 646 номеров «Правды», вышедших в 1912—1914 годах, репрессиям подвергались 190. Против редакторов газеты было возбуждено 36 судебных дел. Если сложить сроки отсидки всех её зиц-редакторов — получится 47 месяцев.

5 июля 1913 года «Правду» закрыли окончательно. Но через несколько дней вышла «Рабочая правда». Название другое — голос тот же. Читают её в заводских цехах литейщики, токари, кузнецы, понимают: если написано «последовательные демократы» — понимать нужно «большевики», если статья подписана «В. Ильин» — Владимир Ильич Ленин писал. 1 августа 1913 года закрыли и «Рабочую правду». Тут же «Северная правда» на свет появилась. Её закрыли — «Правда труда» на заводские окраины приходить стала. За нею — «За правду», «Пролетарская правда», «Путь правды», «Рабочий», «Трудовая правда».

День за днём писала газета о тяжкой доле русского рабочего, звала его на борьбу за свои права, учила, как надо за них драться, сплавивала ряды борцов.

В те годы жестоко эксплуатировался труд детей — «Правда» о детях не забывала. В 1912 году появилась в ней заметка такого содержания:

«В Таврическом саду есть обширный плац для спортивных игр. Там нанимают для услуг детей, преимущественно 10—12 лет, которым платят по 3—4 рубля в месяц... На плац они обязаны приходить в 7 часов утра. Кончают работу в 11 часов вечера. Старший над мальчиками запасной ефрейтор... бьёт мальчиков. Дети не вынесли всю тяжесть работы, 9 мая объявили забастовку: бросили работу и гурьбой убежали из сада».

Что делали тогда ребята в Таврическом саду? Подавали теннисные мячи сынкам петербургских аристократов. Те, значит, в теннис играют, на корте забавляются, а за мячиками бегать — зачем им? На то мальчишек нанять можно. Запасной же ефрейтор за всю свою жизнь ничему, кроме как подзатыльники да зуботычины отвешивать, не научился. Сынки аристократов мячик бьют, ефрейтор — мальчишек. Ну, тем и надоело: бросили они своего ефрейтора вместе с его хозяевами, перелезли через ограду — и по домам.

Перед самым началом первой мировой войны, в июле 1914 года, редакция рабочей газеты была окончательно разгромлена. Сотрудники её арестованы. Но и дни царского самодержавия были уже сочтены. В феврале 1917 года рухнул царский трон, в Зимний дворец переехало Временное правительство.

Власть сменилась, но трудовому люду было от этого не легче. Большевики и рабочие понимали, что борьба не закончена, надо её продолжать. Поэтому одним из первых решений петербургских большевиков после Февральской революции было — возродить «Правду». Снова встал вопрос: где её печатать?

Типографии все в руках мелких хозяйчиков. Хозяйчики эти — горой за Временное правительство. Так что же, ходить их упрашивать, в ножки им кланяться? Нет, курс у партии другой.

Однажды к зданию на углу Волынского переулка и набережной реки Мойки, где помещалась типография, подкатил грузовик с вооружёнными солдатами и рабочими. Выпрыгнули они из кузова на булыжную мостовую, вышел из кабинки Константин Степанович Еремеев — и прямо в типографию. Чиновники навстречу им бегут: дескать, чего изволите?

— Будем у вас печатать «Правду», — отвечает Еремеев.

Чиновники, разумеется, против. А Еремеев их и слушать не стал. Прошёл прямо в наборные цехи, к печатникам, и никто из полиграфистов делать «Правду» не отказался. В том же здании, во втором этаже, в квартире № 4, нашлись и две пустые комнаты для редакции.

4 марта 1917 года было решено — номер возрождённой «Правды» завтра должен непременно выйти! Делался он нелегко. «Он составлялся наспех, — вспоминала потом Мария Ильинична Ульянова, — материал ещё не успели собрать, не успели наладить и связи с фабриками, заводами, полками. Это делалось уже потом, в последующие дни... В номере от пятого марта была помещена часть материала, подготовленного за несколько дней перед этим для одного нелегального изда-

ния и дававшего картину нарастания революционной волны. Вечером 4-го пишущая эти строки и А. И. Елизарова спешно набрасывали свои впечатления — хронику уличной борьбы первых дней революции». Рядом, попыхивая своей неизменной трубкой, писал передовую статью К. С. Еремеев. «Рабочая газета „Правда“, — выводил он строку за строкой, — была органом революционного рабочего класса в условиях самодержавного режима. Рабочая газета „Правда“ будет служить рабочему классу в дни революции и в дни свободы».

И «Правда» вышла 5 марта 1917 года.

А третьего апреля в Петроград из долгой эмиграции вернулся Владимир Ильич Ленин. Уже назавтра он был в «Правде», взял руководство газетой в свои руки. И с того часа, чуть ли не ежедневно до поздней ночи трудился в редакции. Нет, совсем не случайно, уже будучи главой нового государства, в анкетах на вопрос о профессии Владимир Ильич писал: «Журналист, литератор».

«В апреле, немедленно по возвращении из эмиграции, — пишет в воспоминаниях М. И. Ульянова, — за редактирование „Правды“ взялся Владимир Ильич. Это был один из наиболее блестящих периодов „Правды“... Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что никогда ни одну газету не читали с таким интересом, как маленькую нашу „Правду“ апреля—июля 1917 года...

Редакция помещалась в двух комнатах. Одна, маленькая, представляла собой кабинет редактора и... из неё через плохонькую перегородку раздавался хохот Ильича и его ближайших товарищей по работе, которые ежедневно по несколько часов проводили в редакции».

«Ближайшие товарищи по работе...» Их было не так уж много, но были они талантливыми, стойкими борцами за дело рабочего класса: Я. М. Свердлов, К. Е. Ворошилов, В. В. Куйбышев, Ф. А. Сергеев (Артём), М. В. Фрунзе, М. К. Муранов, М. И. Калинин, М. С. Ольминский...

Огромная часть работы выпала на долю Ленина. Одна его статья сменяла другую: «О задачах пролетариата в данной революции», «О двоевластии», «Война и Временное правительство», «Значение братания»...

Около ста семидесяти статей, заметок, речей, документов Владимира Ильича было опубликовано в «Правде» с апреля по октябрь 1917 года!

Напряжённно жила страна. В окопах первой мировой войны сидели тысячи солдат, не желавших воевать за интересы бывшего царя. Бурлил Петроград. Сражалась за правое дело и рабочая газета: беспощадно разоблачала «временных» правителей, предателей-эсеров, предателей-меньшевиков, анархистов, октябристов и прочая, и прочая. Говорила «Правда» трудовому люду, что от Временного правительства не жди мира, не жди земли, не жди свободы. Набатов гудели её страницы, звала рабочих и солдат к вооружённому восстанию, к борьбе за победу в социалистической революции.

Редакция «Правды» на Мойке, 32, была похожа на маленькую крепость. У входа стоит красногвардейский караул. Да и нельзя иначе. Напротив, в здании Главного штаба, сидят бывшие царские генералы, присягнувшие теперь Временному правительству; рядом, на Миллионной улице (теперь улица Халтурина), возвышаются роскошные особняки богатеев; сбоку, по Невскому проспекту, снуют автомобили иностранных послов, скачут на конях казаки, спешат из полков офицеры, снуют чиновники банков, прогуливаются купцы и заводчики. А в центре — «Правда». Засела в логове старого мира и даёт по нему залп за залпом со своих газетных полос.

Возле дома № 32 на обычно тихой Мойке теперь многолюдно, оживлённо. Идут в газету рабочие с окраин, едут солдаты с фронта, гремят подковками ботинок по каменным плитам набережной. И хотя сидят «временные» в самом центре города, понимают, что сила — у окраин рабочих. Поднимутся они снова — тогда держись! «Правда» как раз их к этому и зовёт.

Не вытерпели «временные», перешли в наступление. В июле расстреляли мирную демонстрацию, потребовали ареста Ленина, разгромили «Правду».

Это произошло в ночь на 5 июля. Днём в редакцию сунуться не решились. Отряд свой из юнкеров, казаков и верных Временному правительству солдат собрали поближе к ночи. Юнкеров посадили на машины, казаки — на лошадях.

В середине ночи в типографию заглянул Владимир Ильич: привёз только что полученную очень важную резолюцию солдат-фронтовиков.

— Постарайтесь как-нибудь впихнуть в сегодняшний номер, — попросил он Еремеева.

— Постараемся, — пообещал дядя Костя. — Поезжайте отдыхать, а мы тут всё что нужно сделаем.

Ленин уехал. И вовремя. В 5 часов 30 минут утра юнкера и казаки ворвались в здание исподтишка — с Волынского переулка. Врасплох чтобы!

Несмотря на ночное время, типография продолжала работать. Ещё вечером приехали сюда два десятка фронтовиков — за газетой, за партийной литературой. Да так тут ночевать и остались. Еремеев, отправив наборщикам принесённую Лениным резолюцию, тоже на столе поспать устроился — под голову вместо подушки пачку газет подсунул. Да не успел уснуть...

— Солдаты! Казаки! — распахнув дверь, прокричал кто-то из типографских.

Спуститься вниз Еремеев не успел: в комнату ворвались два офицера. За их спинами стояли солдаты, юнкера.

А в типографии уже шёл полный погром: сыпались с наборных досок строчки и литеры (буквы, отлитые из свинца), кто-то крушил топором шкафы и стулья, слышался треск разрываемой бумаги.

Задержанных согнали в одну комнату. Фронтовики встали отдельной кучкой. Дядя Костя подумал и тоже к ним примкнул. Чем он не солдат? Гимнастёрка на нём такая же потёртая, сапоги — военные. В армии он много лет прослужил и теперь вот только зимой с Северного фронта вернулся.

Офицер сразу на фронтовиков накинудся:

— А вы что за сволочь? Большевики?

Фронтовики тоже в долгу не остались:

— Сам-то ты кто? На фронт бы тебя, шкуру, — там бы поорал! Показали бы тебе солдаты, как сволочиться!

— А ну, марш отсюда! — загремел офицер.

Всех арестованных загнали в кузов автомашин. Вокруг охрану поставили — не выпрыгнешь. Но тут, на счастье, из типографии другой офицер вышел, чином постарше. Взглянул он на арестованных и приказал всех фронтовиков отпустить.

С ними выпрыгнул из кузова и дядя Костя.

Погромщики было собрались торжествовать победу, да только рано!.. Уже на следующий день — 6 июля — вместо разгромленной «Правды» вышел «Листок „Правды“». И снова в нём статьи Ленина!

На «Листок» напали — стала выходить новая газета: «Рабочий и солдат». За ней — «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий путь»...

А там подошёл и октябрь месяц. Прогрохотал он пушкой «Авроры», дал сигнал к восстанию и вымел из Зимнего дворца «временных», передал власть в руки тех, кто своим трудом создавал страну. Победили те, кто шёл за большевиками-ленинцами, за великой ленинской правдой, те, кого «Правда» звала к борьбе и свободе, к светлому будущему.

Сразу же после восстания, 27 октября 1917 года, газета вышла снова. Под своим прежним, таким привычным и близким именем — «Правда».

Рис. В. Орлова

НИКА

Глава 11

ВОТ ВАМ ЕЩЁ КАПЮШОН

Вера пошла открывать, и в дверях послышался ужасно знакомый голос:

— Безобразие! До чего дошли! Мой сын тащит из дома вещи, а по-

Окончание. Начало в «Искорке» № 1, 3, 4.

том уверяет, что это для каких-то пионерских дел. Надо разобраться, что это за дела.

— Пожалуйста, вы можете взять свой плащ,— растерянно ответила Вера.— Мы же не знали... Проходите.

И в комнате появился оператор газового котла Вениамин Кондратьевич Мануйлов. То, что он увидел, Наверное, так его поразило, что некоторое время он молча стоял и только громко сопел, глядя то на меня, то на Мишку, то на грудку плащей, валявшихся посреди комнаты.

— Та-ак,— наконец тихо, почти шёпотом, произнёс он.— Вон, оказывается, куда ниточка потянулась. Тут, значит, целая банда. Организованная преступность! Синдикат! Что же это капитан сплеховал? Разве можно было их отпускать?

— А он и не отпускал,— сказал я.— Мы перепилили репётку, убили трёх охранников, взорвали стену и — тю-тю!

— Тю-тю,— повторил оператор.— Ну, ничего, я сейчас и с капитаном с этим разберусь. Всё будет по закону.

— Уж вы постарайтесь,— сказал я.— И не забудьте, пожалуйста, всё заактивировать.

— Заактивируем! — ответил Вениамин Кондратьевич и выскочил из квартиры.

Мы рассказали Вере про наши хождения по лестницам и про поход в милицию.

— Что же теперь делать? — спросила Вера.

— Парус делать, что ж ещё,— сказал я.— Ты хотела принести ножницы. Так неси. А капитан с этим человекозаконом разберётся.

Вера принесла ножницы, и работа закипела. Эх, весёлое это дело — стричь плащи! Вскоре вся комната была усеяна рукавами, воротниками, карманами и пуговицами. А когда я принялся за последний плащ и уже отхватил ему рукав, Мишка вдруг закричал:

— Стой, не стриги!

— Это почему?

— Так ведь законник-то забыл свой плащ взять. Он обязательно вернётся.

— М-да, верно говоришь. А я вот уже карман начал отстригать.— Я потряс плащом, и вдруг из кармана вывалился милицкий свисток.

— Ну точно,— сказал Мишка.— Ты его плащ и стрижешь.

— Может, как-нибудь назад пришить можно,— сказала Вера.

— Нет,— сказал я.— Пусть сам пришивает, если захочет. Давайте подумаем, как мы все эти куски соединим.

— Я знаю,— сказал Мишка.— Горячим утюгом. Это же синтетика. Спаяется что надо.

Для пробы мы выбрали несколько обрезков. Вера включила электрический утюг, и мы принялись спаивать куски. Но куски спаиваться не хотели.

— У этого утюга мал температурный режим,— авторитетно заявил Мишка.

— Точно,— сказал я.— Калёным железом нужно попробовать. Вера, дай, пожалуйста, какое-нибудь железное.

Но единственное, что смогла нам предложить Вера, была столовая ложка.

— Сойдёт,— сказал я.— Включай газ.

Мы раскалили ложку докрасна и прижали к материи. Но «болонья» моментально расплзлась, как масло на горячей сковородке. А на паркетном полу образовалось чёрное пятно.

— Нет уж, мальчики,— сказала Вера.— Я лучше всё сошью. У нас ведь швейная машинка есть, и строчить я умею. А вы всё остальное готовьте. То, что у вас железное.

— Идёт,— сказал я.— Мы тогда с Мишкой сейчас в гараж идём. Там у нас все детали хранятся. А ты действуй.

И только мы с Мишкой хотели уйти, как снова раздался звонок в дверь.

— Мануйлов,— сказал Мишка.

— Ой,— сказала Вера.

— Я сам открою,— сказал я и направился к двери.

И действительно, на пороге стоял Вениамин Кондратьевич. Я не

знаю, о чём с ним разговаривал капитан, только Мануйлов вдруг протянул мне какой-то свёрток и сказал:

— Вот. Николай Иванович просил передать вам свой старый миллицейский плащ.

— Спасибо, — сказал я. — Только вы нас извините, но мы ваш плащ уже того... Стричь начали.

Вениамин Кондратьевич хотел что-то сказать и даже открыл рот, но потом махнул рукой, повернулся и пошёл вниз по лестнице. Потом вдруг остановился и сказал:

— Ах да. Чуть не забыл. Вот ещё капюшон. — И он протянул мне маленький скомканный капюшон от плаща из ткани «болонья».

На другой день я снова зашёл к Вере узнать, как у неё продвигается работа. Вера сидела за швейной машинкой.

— Ты знаешь, Дима, я кое-что придумала, — сказала она. — Смотри, тут есть плащи разного цвета: зелёные, синие, коричневые, серые. Можно ведь и не просто шить, а так по цвету подобрать, что красиво будет. Что-то вроде орнамента. А то какое-то лоскутное одеяло получится.

— Конечно, попробуй, — сказал я.

Вера включила машинку и принялась строчить. Потом остановилась:

— Ты знаешь, а ведь я тогда в первый раз к тебе не из-за выкроек приходила. Меня мама попросила, а её — твоя мама.

— Что попросила? — не понял я.

— Ну, чтоб я с тобой познакомилась и на тебя повлияла. Мне сказали, что ты ничем не интересуешься, кроме металлолома.

— Ну так давай влияй.

— Вот видишь — влияю, — засмеялась Вера и снова включила швейную машинку.

Дома мама спросила:

— У Верочки был?

— Ага, — сказал я.

— Она тебе что-нибудь сыграла?

— Да, — сказал я. — Ещё как играла. А я пел.

Глава 12

АНТИКВАРНАЯ ВЕЩЬ

Да, забыл сказать. Папа у меня автолюбитель. У него и гараж есть. А машина называется «Даймлер-Бенц», тысяча девятьсот тридцать девятого года рождения. Папа её очень любит и называет «моя ровесница». До этого у него был «Москвич» самого первого выпуска. На нём мы даже несколько раз ездили. На «Бенце» мы не ездили ни разу. Папа купил его в разобранном виде. И вот он уже, наверное, год упорно пытается его собрать. «Главное, — говорит папа, — это иметь гараж. С гаражом можно и вертолёт собрать...» А гараж у папы просто чудо. Он буквально начинён всякими железными предметами. Тут есть огромные слесарные тиски, молотки и кувалды, наковальня, которую могут сдвинуть с места только трое взрослых мужчин, тяжёлые ломы и лёгкие сапёрные лопатки, есть тут электроточило, тали для подъёма машины, небольшой сверлильный станок и компрессор. В углу лежит несколько тяжёлых железнодорожных рельсов, покрашенных красным суриком. Когда я однажды спросил у папы, зачем ему рельсы, он ответил: «Металл хороший. Может, пригодится».

Вот здесь, в гараже, и лежали детали для нашего дельтаплана. Когда мы пришли, ворота гаража были распахнуты, а из-под «Даймлер-Бенца» торчали папины ноги.

— Митя, ты? — спросил он. — Подай мне, пожалуйста, накидной ключ на четырнадцать, он в баре.

Баром папа называл небольшой шкафчик, вделанный в деревянные полки. В шкафчике находятся особо ценные ключи, отвёртки, плоскогубцы и свёрла. Там же лежит любимый папин штангенциркуль известной фирмы «Маузер».

— Здравствуйте, Алексей Петрович, — сказал Мишка.

— А, и Михаил тут. Ну, как тебе моя ровесница?

Каждый раз, когда Мишка приходит в гараж, папа задаёт ему этот вопрос, хотя Мишка видел ровесницу уже, наверное, сто раз.

— Вы знаете, ребята,— продолжал папа из-под машины,— один знаменитый француз сказал: «Хороший автомобиль только тот, в котором можно сидеть, не снимая цилиндра». А в современную машину чтобы залезть, надо стричься наголо. Не то что в цилиндре.

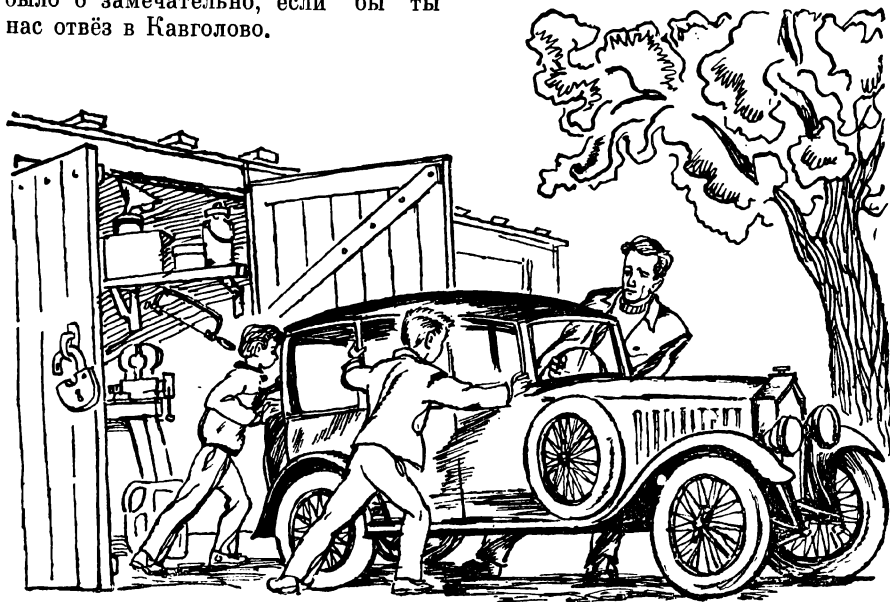
— Это здорово,— сказал я.— Мы с Мишкой обязательно купим цилиндры. Вот только когда можно будет не только сидеть, но и ехать. Наш дельтаплан уже почти готов, и было бы замечательно, если бы ты нас отвёз в Кавголово.

зин — продукт нефти. А жечь нефть — настоящее варварство. Нефть, друзья, уникальная вещь. Из неё всё, что угодно, сделать можно, а мы её сжигаем.

— И чёрную икру можно? — спросил я.

— Что угодно,— ответил папа.— Ну, а сейчас вы будете присутствовать при торжественном запуске двигателя. Давайте только выкатим автомобиль, чтобы не дышать выхлопными газами.

Но папа напрасно беспокоился о выхлопных газах. Никаких газов не было. Мы выкатили машину, папа торжественно сел за руль и нажал

— Да хоть в это воскресенье,— сказал папа.— Уже почти всё готово.

Он вылез из-под машины и ласково погладил её по капоту:

— Красота, правда? Это не просто старый автомобиль. Это старинный автомобиль. Вы чувствуете разницу? Помяните моё слово, скоро на такие машины как на антикварные вещи смотреть будут. Да и вообще машины с бензиновым двигателем — это динозавры. Они вымрут. Ведь бен-

на стартёр. Но мотор безмолвствовал. Он даже не заурчал, как это обычно бывает. Просто стояла тишина, и было слышно, как чирикают всробы.

— Спокойно,— сказал папа и задумался.

— Может, ручку покрутить? — предложил Мишка.

— Толкнуть надо,— сказал я.— Я недавно трамвай толкал. А тут — раз плюнуть.

— Конечно, толкнуть можно,—

сказал папа.— И толкать её, толкать. Хоть до самой Москвы. Но машина тем и интересна, что сама едет.— Папа снова задумался, а потом вдруг хлопнул себя по лбу и сказал: — Склероз! У меня же аккумулятор не поставлен! Он в гараже.

— Закатываем? — спросил я.

— Закатываем,— ответил папа.

Мы снова затолкали машину в гараж, папа открыл капот и забыл о нашем присутствии. А мы с Мишкой принялись возиться со своими трубками для дельтаплана. Когда мы собились уходить, папа сказал:

— Давайте снова её выкатим, пусть на солнышке прогреется, посохнет. Я на улице с ней повоюю.

— А как же назад? — спросил я.

— Своим ходом. Только своим ходом.

— Значит, мы сможем в воскресенье поехать в Кавголово?

— Непременно. Готовьте свой стратостат.

— Всё-таки, если что, позови нас с Мишкой. Поможем затолкнуть.

— Ни за что. Только своим ходом.

Домой папа пришёл поздно. Я уже был в кровати.

— Толкал? — спросил я.

Папа вздохнул и сказал:

— Толкал.

Глава 13

П И С Ь М О

Всегда так бывает. Ждёшь чего-нибудь, ждёшь — и всё зря. Потом уж и ждать перестанешь. И тогда то, чего ты ждал, тут как тут. В день по пять раз заглядывал я в наш почтовый ящик. Я засовывал палец в дырки и скрёб ногтем по шершавой задней доске. Я спрашивал соседей, чей ящик находится под нашим, не попадало ли им моё письмо. Поэтому что думал, что письмо могло провалиться через щёлку. Но письма от брата не было.

В тот день мне позвонила Вера и сказала, что парус готов. И мы решили устроить генеральную сборку дельтаплана около гаража. Спустившись вниз, я машинально заглянул в дырочки нашего ящика —

там что-то белело. Я прильнул к дырке глазом. В ящике явно лежало письмо! Мне даже удалось прочитать на конверте: «...рию Титову». Ну, конечно, это письмо! Мне письмо. Если бы оно было папе, то я бы прочитал «...сею» — Алексею. А «...рию» может означать только одно — Дмитрию. Ключа от ящика у меня, конечно, не было. Я попытался вытащить его пальцем, но это оказалось непросто. Хорошо, у меня в кармане был длинный гвоздь. Я подтащил письмо к верхней щели и мизинцем левой руки вытащил.

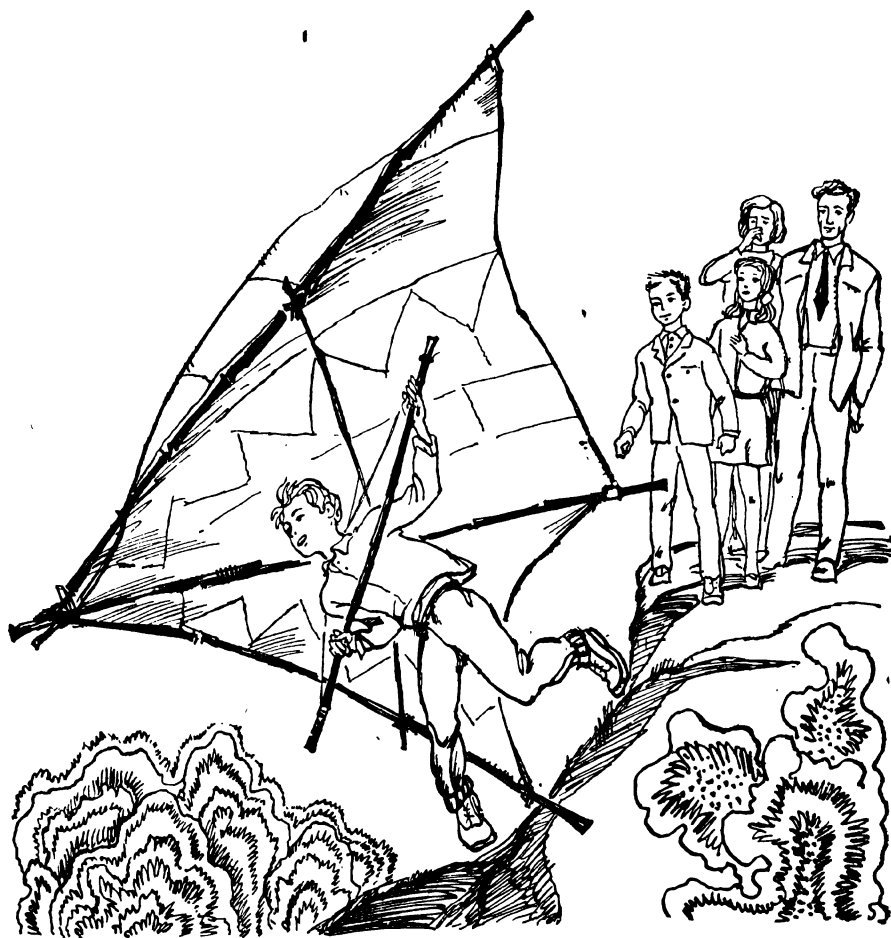
Это было долгожданное письмо от брата. «Здорово, Димка,— писал брат.— Должен тебя огорчить. Боюсь, вы со своим приятелем дельтаплан не сделаете. Штука эта сложная и дорогая. Один парус, который делают обычно из лавсана, стоит около шестисот рублей. Размеры паруса двадцать квадратных метров. Для каркаса обычно используют алюминиевые трубки для прыжков с шестом...»

Я читал про размеры трубок, про углы и градусы, про устройство трапеции, на которой висит дельтапланерист, и с каждой строчкой всё яснее понимал, что наш смешной дельтаплан из разноцветных лоскутков плащей «болонья» и трубок, найденных на свалке, никуда не полетит. Первое, о чём я подумал,— это пойти и рассказать всё ребятам. Но потом решил: нет, пусть всё остаётся, как есть. О письме ничего говорить не буду, соберём сегодня наше творение и, если папин «Бенц» не подведёт, поедem в Кавголово. И я обязательно побегу с горы и прыгну.

Мишка и Вера были уже около гаража. Там же был и папа. Его ноги торчали из-под машины.

— Димка, чего ты так долго! — закричал Мишка.— Такой момент пропустил. Алексей Петрович «Бенца» завёл! И даже проехал вон до того куста.

— И я видела,— сказала Вера.— Если б мотор не зачихал, можно было бы, наверное, и до ворот доехать.

Папа вылез из-под машины и смущённо заулыбался:

— Да вот, прокатился немного. А дело всё в карбюраторе. Ну, ничего. Я его сегодня ацетончиком промою, и можно ехать хоть в Кавголово, хоть в Сочи.

— Не снимая цилиндра? — спросил я.

— Ни в коем случае не снимая.

Глава 14 ПОЛЕТ

«Бенц» не подвёл. В воскресенье в десять часов утра мы торжественно выехали на нашу улицу. Папа и я встали пораньше и хорошенько, с шампунем, вымыли машину. Теперь её солидные бока весело поблёскивали под лучами солнца.

На удивление, мы с папой даже уговорили маму, и она поехала с нами. Сначала она отказывалась категорически. Потом согласилась поехать, но только на электричке. «Неужели вы думаете, — говорила она, — что я сяду в этот музейный экспонат?» А когда я сказал, что и Вера едет с нами, она страшно удивилась и вдруг согласилась.

Утро было светлое и чистое. Ночной морозец ещё не отпустил лужи, и они приятно похрустывали под колёсами нашего дредноута. Вдруг мы увидели, как навстречу нам по тротуару не спеша идёт капитан милиции Николай Иванович. Он о чём-то крепко задумался и даже стал переходить улицу по красному свету. Наверное, сочинял но-

вые стихи о правилах уличного движения. Папа посигналил ему, и капитан, застыдившись, поспешно вернулся на панель. Мы помахали ему рукой. Он тоже увидел нас и тоже помахал нам.

— Знакомый? — спросил папа.

— Да, — сказал я. — Это Николай Иванович. Он очень хороший человек. Стихи для детей пишет. Его плащ на нашем парусе тоже есть.

Потом мы увидели вежливого старичка из пятой. Он стоял с лейкой на балконе своей квартиры. А под балконом стоял Вениамин Кондратьевич Мануйлов. Задрав голову, он что-то кричал старичку и размахивал кулаками. До нас долетели слова: «Безобразие! Надо заактивировать!» Наверное, на него попала вода, которой старичок поливал цветы.

Потом мы ехали по нарядному Кировскому проспекту, и дежурные инспекторы ГАИ с подозрением поглядывали на наш «Даймлер-Бенц». Когда мы выехали за город, нас стали обгонять «Жигули», «Москвичи» и «Волги»: «Запорожцы» нас тоже обгоняли.

— Пусть себе обгоняют, — спокойно говорил папа. — У нас машина солидная, нам спешить некуда.

Не прошло и двух часов, как мы были в Кавголове. Мы долго ходили, подыскивая подходящую гору. Наконец мы нашли то, что показалось нам подходящим. Гора была достаточно высокая и крутая. Был на ней и небольшой обрыв, с которого мне предстояло лететь.

— Это, конечно, не Джомолунгма, — сказал папа, — но расквасить нос можно и на ней.

— Давайте ей название придумаем, — сказала Вера.

— Может быть, назовём её Никой? — предложил я. — Ведь «Ника» значит «победа».

Никто не возражал.

Мы забрались на гору, и небо сразу стало большое и очень синее.

— Ну, Митя, ты уж не летай слишком долго, — сказал папа.

— И, пожалуйста, в воздухе не крутись, — сказала Вера. — Я почему-то волнуюсь.

— Как?! — всплеснула руками мама. — Ты собираешься лететь на этой штучке?! Я думала, вы будете тащить её за верёвочку.

— Вы путаете, Антонина Петровна, — сказала Вера. — Это же настоящий дельтаплан, а не какой-нибудь там воздушный змей.

Мама с удивлением посмотрела на Веру, но ничего не сказала. Мы начали собирать наш аппарат. Конечно, не хватило какой-то гайки, папа бегал в машину, но нужной гайки так и не нашлось. Пришлось замотать проволокой. Наконец всё было готово. Дельтаплан почему-то оказался немного кривой, но теперь это уже не имело значения.

— Ну, старик, давай! — сказал Мишка. — Я за тобой.

— И я хочу, — вдруг сказала Вера. — Я после Миши.

— Ну, Тоня, — сказал папа, — раз уж Верочка лететь собралась, то и тебе придётся. Прояви женскую солидарность.

— Упаси боже, — сказала мама. — Да я и не одета для этого.

Папа, Вера и Мишка подняли наше творение, я встал под него, крепко ухватился за алюминиевую трапещию и что есть духу побежал к обрыву. Вдруг что-то дёрнуло меня вверх, земля ушла из-под ног и поплыла в сторону! Я летел! Мне казалось, что сильный, упругий воздух с каждой секундой несёт меня всё выше в небо и что оттуда, с высоты, я вижу сразу всю-всю землю. И земля, сплошь усыпанная жёлто-золотыми листьями, была удивительно красива...

Потом я лежал на траве рядом с обломками нашего дельтаплана. Ко мне с горы бежали папа, Вера, Мишка и мама. Они что-то кричали и махали руками. Я встал и тоже замал руками и закричал:

— Я летел! Вы видели — я летел!

Рис. П. Вишкова

* * *

*Играют, поют про Дунай голубой.
А мы его видели алой рекой.
А мы его видели пепельно-сизым.
Мы плыли... И плот был волною облизан.*

*Мы плыли сквозь взрывы и знали, что вброд
За нашей спиной Победа идёт.
А волны, шалея от ярости боя,
Едва не сомкнулись тогда надо мною.*

*Но волны нас вынесли. Кончился бой.
Глядим и не верим: Дунай — голубой!*

Анатолий МАТЮНИН

Кинодокументы

*...А мне по нраву кинодокументы,
Где не артисты — сам народ.
Где политрук Иван Дементьев
Поднялся первым и — «Вне-е-рѣд!»
Святая правда. Пусть жестока.
Мелькают кадры, торопясь:
Солдат, мальчишка светлокий,
Зубами срацживает связь.
С балконов свешивают флаги
Навстречу радостному дню.
Несёт ликующая Прага
Цветы на жаркую броню.
Вот на экране щедрость наша:
Гвардеец-повар, не спеша,
Даёт наваристую кашу
И хлеб немецким малышам.
В рукопожатьях крепких руки
Сплели союзные войска...
И непреклонный маршал Жуков
С седою прядью у виска.
Да, мне по нраву кинодокументы...*

Рис. Л. Московского

Сергей ВОРОНИН

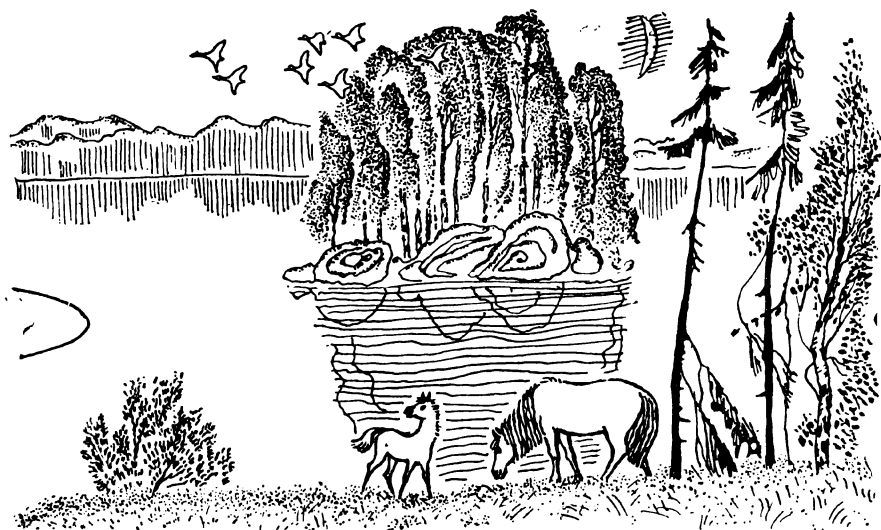
РОДНЫЕ

КОНЕЧНО, и живя на одном месте, можно и узнать, и полюбить природу, и она станет родной, ведь ты там родился и вырос. И полюбишь её — с полями, оврагами, речками и болотами, с опушками леса, где собирал грибы, и с самим лесом. С её удивительными восходами и закатами, и проливными дождями, и звенящими морозами, и сквозными метелями, и ласковыми оттепелями. Всё это так, но ещё больше полюбишь свою родную природу, если сравнишь с природой других мест.

МНЕ ДОВЕЛОСЬ немало поездить по стране. В детстве был в Сибири. Оттуда первые памятные впечатления. Я видел, как поздней осенью пого-

лой степи катились круглые шары перекаати-поле. Видел эту же степь, усыпанную полосатыми арбузами. Их было так много, что по штукам они совсем и не ценились. И если падал с телеги арбуз на землю и кололся, обнажая спело-красную мякоть сочной сладости, то мы, мальчишки, и не думали его подымать. Вспоминается и река Тобол, с мутной водой и ровным низким берегом. И пожалуй, это и всё...

Зато как много в памяти осталось от другого места! Это было вблизи Ленинграда, у посёлка Можайского. Тогда, ещё пятнадцатилетний фабзайчонек, только-только вышел я из больницы, и тем радостнее мне было бежать ранним утром с удочкой на плече вдоль озера

Рисунки Л. Московского

ПРОСТОРЫ

к мосткам. Бежал и не отрывал взгляда от большого, подёрнутого туманной дымкой, ещё спящего озера, на глади которого то там, то там всплывали рыбы, гоняясь за мошкаррой. А сбоку от меня медленно отрывалось от земли багровое солнце. И в небе ещё светился прозрачный серп месяца. И ещё раннеутреннее ясное и чистое пение птиц. Всё это соединилось в одно и таким осталось на всю жизнь.

Возможно, отсюда и возникла ещё не осознанная, но уже на всю жизнь любовь к Родине.

И С ЭТОГО времени с каждым годом стал шириться мой круг познания природы. Он, ширился, никак не исключая

того, что довелось увидеть и узнать раньше. Особенно когда впервые побывал на Дальнем Востоке с изыскательской партией.

Я увидел Амур. Широкий, величавый, спокойный. Новый край, совершенно не похожий на то, что доводилось видеть раньше. Здесь всё огромно: и реки, и тайга, и бесчисленные сопки. И малолюдье. Река Амгунь — бурная, опасная, с паводками, с завалами, с перекатами, с подмытыми берегами, с кривыми, как полумесяц, песчаными косами. По берегам — захламленный буреломом, доживший до старости первобытный лес, в котором нога человека действительно не ступала. Зверинные тропы. Заросшие озёра. Ма-

ри — болота на вечной мерзлоте, и на них «пьяный лес» — с наклонёнными в разные стороны деревьями. Сопки, то поросшие горным дубняком, то голые, с лысыми вершинами. Ливни такие, что за час река вздувается, выходит из берегов и топит и лес, и косы, и завалы, крутит воронки, смывает прибрежные деревья. Три месяца совершенно непривычной и неожиданной для меня жизни. Ливни, паводки, аварии, непролазная чащоба тайги, гнус, или, какого называют таёжники, мошкă. Осень там сухая. Зимой морозы доходят до пятидесяти градусов. На реке образуются высокие жёлтые наледи. От промоин валит пар. Железно стучат на ветру листья горного дубняка. Сурова природа тех мест.

Всё было интересно, но как-то не запало в сердце настолько, чтобы потом, вдали от тайги, тосковать по таёжной природе — скупой на радость и глухой на горе. И тем милее стала для меня наша равнинная русская природа с её акварельной мягкостью. Нет, я не исключил ту, дальневосточную, она стала частью меня, обогатила мои чувства, только через неё постиг я великий смысл слов — Родная Земля.

Я считаю удачливым того человека, которому довелось побывать во многих местах нашей страны. Ездить, узнавать её — большая радость.

ИЗЫСКАТЕЛЬСКИЕ экспедиции забросили меня на Кавказ. И я увидал природу южную.

Она величественна, с её навечно заснеженными вершинами гор — такими чистыми и такими недосыгаемыми. Увидел жаркие долины с виноградниками и арыки с быстро растекающейся водой по знойной земле, с которой снимают по

три урожая за лето. Поездили по горным, извивающимся дорогам, которые шофёры называют «серпантин». Мчится машина по такой дороге, петляет, приближается к обрыву, и тогда на дне пропасти, далеко внизу, тускло взблёскивает узкая речушка Кушкара-чай. Всё выше, выше дорога. Но ещё выше — высокое небо, подрезанное вершинами снежных гор. И над ними облака, лёгкие, плывущие у самого солнца. В горах живут люди. У них

дома с плоскими крышами. Они как ступени идут вверх. И рядом с ними каменистая тропа. Если пойти по ней, то можно войти в облако. И я однажды вошёл. Оно было как туман, но в одном месте провалось, и я увидел далеко

на Кавказе не мог. Но это не мешало мне радоваться и гордиться, что и Кавказ — тоже часть моей большой Родины. Как и Чёрное море сего галечным побережьем, горько-солоноватой водой с мягкими волнами, которые так хорошо качивают во время купания.

внизу зелень деревьев и солнечные пятна в долине.

На Кавказе я увидел, как растёт грецкий орех. Это гигантские деревья, сродни дубу. И на них, как листьев, множество зелёных шариков. В каждом шарике под толстой зелёной скорлупой — орех. Видел в горах дикорастущий инжир. Такой же сладкий, как и в садах. Набрел на целые заросли вкусной ежевики. Богат юг. И всё же долго без тоски по своим родным местам я жить

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ провёл я на Карельском перешейке. Сосновые боры, холмы и низины чередуются там так часто, что их трудно запомнить, и поэтому в лесу легко заблудиться. Озёра, то открытые, то скрытые в гущину, таинственны в своей замкнутости. Я люблю бродить лесом один, чтобы не быть связанным, не ожидать отставшего. И вот однажды вышел к лесному озеру, где до этого никогда не бывал. Но прежде чем попасть к нему, заблудился, влез в какую-то топь, заросшую густым кустарником, долго пробирался сквозь него, собирая лицом всю паутину, перелезал через рухнувшие стволы давно поверженных бурей деревьев, перепрыгивал ручьи с коричневой, подёрнутой маслянистой плёнкой водой, и уже раскисал, что полез в эти заросли, когда сплошняк стал редеть и я вышел на поляну и неожиданно упёрся в кривое, похожее на подкову, чёрное озеро. Оно насторожило меня застывшим покоем. Было ощущение, что я забрёл не туда, куда следует заходить человеку. Там даже птиц не слышно было, не плескала рыба и ветер не трогал гладкую, как

нлексиглас, плотную воду, заваленную у берегов мрачными топляками. Мне стало не по себе, и я рад был радёшенек, когда выбрался на дорогу.

Но есть на Карельском перешейке озёра светлые, как улыбка ребёнка. И тогда сидишь на тёплом берегу, смотришь на него и не хочется уходить. Думається, вот построить бы здесь дом и жить всю жизнь.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ полюбилась мне Ладога. Не знаю, когда как, но меня Ладога и влечёт, и тревожит; есть в её большой воде что-то чужое, даже враждебное, хотя это не мешает ещё больше тянуться к ней.

Она коварна. Всё тихо, и небо чисто, и думается, так будет долго, и вдруг маленькое тёмное облачко. И вот уже ветер, и с каждой минутой он всё сильнее, и вот уже волны, и вот уже они кипят, и несутся по Ладоге, потряхивая белыми шапками. И чайки орут и скрываются. Появится солнце — и снова устанавливается тишина. И волны тают под его лучами, как воск. И гладь..

В Ладоге есть то, что может дать только большая вода, — чувствуешь себя человеком.

Думается, вода на Ладоге одинаковая, но это не так. Есть глубокая и есть мелкая, есть холодная, днём и ночью остужаемая донными родниками, и есть застоялая — в бухтах и заводях, пахнувшая загнившими водорослями. Есть чистая, такая, что сквозь шестимет-

ровую глубину увидишь дно, и есть мутная, как душа предателя. В тихую погоду вода на Ладоге мирная, в бурю у берега мутная, грязная, на просторе — взъерошенная. То голубая от неба, то серая от туч. Она разная, и поэтому никогда не надоедает.

И рыба разная. Благородная, сильная любит только чистую воду, живёт в глубинах. Там ей просторно. Редко кто поймает палию. Даже тралом не удаётся её захватить. Может, когда-то и жила наверху, но стало тесно, и ушла быстрая, смелая рыба, сродни лососю и озёрной форели. И лосось, и озёрная форель не живут вблизи берега. У берега мало воды. И поэтому крупный окунь на глубине, и судак, и сиг. Даже щука, как ни удивительно, тоже на больших глубинах.

Но когда наступает вечер, и свет уже не выдаёт, и тьма скрадывает, большая рыба идёт из глубин к каменным грядам. Каменные гряды, мёртвые днём, вечером оживают. Косяками идут окуни. Идут поверху, всплескивая, будто хлопают высунутые из воды ладоши. Идут стремительно. Наголодались в глубинах и теперь рвут и мечут направо и налево, хватают корм своими отсвечивающими голубым перламутром широко разинутыми ртами. У них нет поклёвки. Берут с ходу. И дрожит удилище, сгибается, жилка гудит, как на ветру, режет воду с такой силой, что брызги летят во все стороны.

ЗИМОЙ, в начале февраля, когда на улице медленно настаивались тусклые морозы и рассвет приходил так поздно, что думалось, и день не наступит, меня неожиданно коснулось что-то удивительно светлое, будто кто улыбнулся из далёкого детства, и я тут же вспомнил тихую, как бы даже задумчивую деревню, в которой жил прошлым летом, за нею луга и кусты, понуро стоящих лошадей, и высокое синее небо с белым неподвижным облаком, и громаду прохладной воды Чудского озера, и спокойную тишину. И с того дня с нетерпением ждал наступления весны, а за ней лета, чтобы ещё раз побывать в тех местах.

И побывал, и снова встретился с Чудским озером.

У него длинный, как у моря, песчаный берег. И выброшенные волной водоросли, и мёртвые окуни, высохшие на солнце, и вороны, подбирающие падаль, и просмолённые остроносые лодки, как негры с кольцом в носу, притянутые к столбам. И тихие незабудки, растущие у края воды с весны и до студёной осени. И оторванные штормом от рыбацких сетей пожелтевшие поплавки из пенопласта... И ни души на всём берегу. И вечная, с белой пеной, с белой кипенью, с белым вихром, бегущая, неот-

вратимая, то крутая, то плоская чудская волна.

Ох эта волна! Она играючи вздымала лодку чуть ли не к небу — а по нему быстро, ряд за рядом, шли тяжёлые, равные тучи — и бросала её вниз, в преисподнюю, так, что трещало днище и скрипели борта. И это зрелище было не для женщин и детей. Даже старые рыбаки, прожившие всю жизнь на Чудском, и те начинали поспешно выбирать якоря.

Бывала волна и такой — это если ветер дул с запада и вода шла к нашему берегу и затопляла его, — когда прибой шумел и гудел по всему берегу в сплошной пенной полосе, и не вздумай тогда встать к волнобою бортом — захлестнёт, опрокинет лодку, и слава богу, если сам выберешься, хотя на прибое воды по щиколотку.

Но бывало Чудское и тихим, застывшим, как стекло. Даже хотелось вытереть пыль с него тряпкой. И странно было видеть такую громадную воду в недвижимом покое.

УДИВИТЕЛЬНО красива, прекрасна природа России. Любить её, беречь и наслаждаться. И знать, что это твоя Родина. И сознать, что прекраснее её ничего и не может быть на всей земле.

Вениамин Петрович Тимаков — чувашский поэт, живёт в городе Чебоксары, работает в пионерском журнале «Хатер пул», что означает — «Будь готов!»

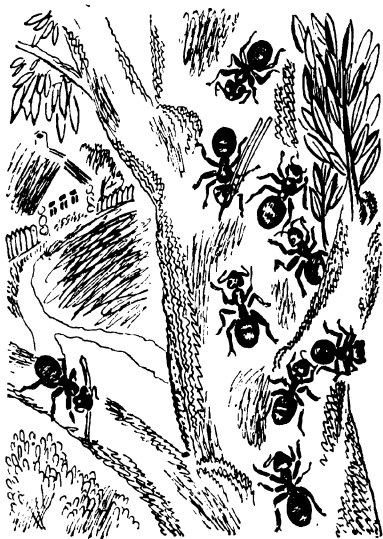
Детство Вениамина Тимакова совпало с войной. Многие его произведения посвящены этому тяжёлому времени. Но о чём бы ни писал поэт, его никогда не покидает чувство радости от общения с природой, которую он любит и хорошо знает.

Мы предлагаем читателям «Искорки» несколько стихотворений чувашского поэта из его первой книги, выходящей на русском языке. Переведены стихи ленинградской поэтессы Надеждой Поляковой.

Вениамин ТИМАКОВ

Первые цветы

*На поляне птичье пенье,
Дремят голые кусты.
Кто буравит в нетерпенье
Прошлогодние листы?
Как младенец из постели,
Приподнялся он слегка
И глядит из мягкой прели
Голубой глазок цветка.
День теплее. Солнце выше.
Вольно дышится цветку.
Поднимается неслышно
Сок земной по стебельку.
От цветочного ль дыханья,
От шушанья ли, но вдруг
В пне нагретом на поляне
Шевельнулся сонный жук.
Отдышавшись, что есть мочи
Взад-вперёд снуёт по пню,
Удивляясь длинной ночи
И сияющему дню.*

Муравьиная дорожка

*Висит недвижная жара
На частоколе вдоль двора.
А на ветле шаги свои
Не замедляют муравьи.
Снуют по веткам без помех
И вниз и вверх, и вниз и вверх.
У них дорога нелегка
И ноша слишком велика.
А можно бы прервать свой путь,
На тихой ветке отдохнуть.
Но всё спешат они, след в след.
Покоя нет, покоя нет.
Такой заботливый народ!
Дорога дальняя зовёт.
Они снуют и груз несут
И свой благословляют труд.*

На опушке

Раскинув руки, лёг в траву.
Кругом жужжанье, шорох, трели.
И, упираясь в синеву,
Цветов качаются качели.
Цветы узорны, высоки,
Как небывалый мир древесный.
Ромашки белой лепестки
Поддерживают свод небесный.
Борщевник высится, могуч, —
Секвойей кажется растение.
На нём, как будто среди туч, —
Коровки божьей мельтешенье.
А вот пырей бросает мост,
С цветка на листик мост горбатый.
А по мосту

во весь свой рост
Сам муравей бежит куда-то.
Вот с лепестка свалилась тля —
Не съел бы жук! — беги скорее!
Дрожат, как в бурю тополя,
Стволы высокого пырея.
Гляжу на этот мир земной
И не могу я надивиться.
И любопытная синица
Следит из зарослей за мной.

Летит Земля

Когда кругом такая тишина,
Что даже слышно трав произрастанье,
И нежно у открытого окна
Живой ветлы живое лепетанье;

Когда кругом разлит такой покой,
Так воздух ароматами разнежен,
Ни бури, ни тревоги никакой,
И сонный пруд так тих и безмятежен;

Не обольщайся этой тишиной.
Летит Земля по заданной орбите.
Бурлит вулкан. Тайфун грозит волной.
И полон мир невиданных событий.

Так и душа устроена твоя:
Пока её не тронуло смятенье,
Спокойно дремлет, бурю затая,
Или цветка прекрасного цветенье.

Рис. Л. Коломеецовой

Перевела с чувашского
Надежда ПОЛЯКОВА

Соратник Ленина

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

СМОТРИТЕЛЬ МУЗЕЯ

Весной 1907 года Емельян Ярославский возвращался с Лондонского съезда партии. Его арестовали прямо у Финляндского вокзала. Жандармы несколько дней поджидали его.

Пять лет каторжной тюрьмы, а затем якутская ссылка.

...Вокруг на сотни километров была дикая тайга да болота. И никаких дорог. Три месяца в году по реке ходил пароходишко — единственная связь с миром.

Газету, выпущенную в январе в Петербурге, якутские жители получали к марту.

Шёл Емельян по грязной городской улице и увидел большое деревянное здание. Вокруг стоял перекосившийся забор, двор густо зарос травой.

Над зданием висела какая-то вывеска. Только буквы уже размыло водой.

«Музей», — всё-таки разобрал Емельян.

Он поднялся на крыльцо. На дверях висел большой ржавый замок.

Местная газета «Якутская окраина» писала, что от хранителя музея

«требуется знание, и трудолюбие, и любовь к своему делу. Трудно найти такого человека, который совмещал бы все эти качества. Особенно трудно у нас в Якутии».

Таким человеком оказался Емельян Ярославский.

Он узнал, что коллекции музея разрушаются да и сам музей скоро может развалиться, и написал заявление:

«Честь имею заявить Якутскому отделу Императорского Русского Географического Общества, что желал бы принять на себя заведование музеем...»

ОБЫСК

Мучились революционеры, оттого что были они далеко от центров страны. Они устраивали тайные собрания, изучали разные науки, но главного — настоящей революционной работы им не хватало.

Некоторые задумали побег, постепенно к нему готовились.

Но без документов бежать нельзя. Хотя бы фальшивые надо иметь.

Из канцелярии удалось похитить несколько бланков паспортов. Ярославский хранил их в среднем ящике письменного стола, в музее. Потом сделали печати. Их Ярославский тоже положил в ящик.

Однажды в дом к ним постучали.

Дверь открыла Клавдия Ивановна и сразу громко, чтоб слышал муж, проговорила:

— Добрый вечер, господин полицмейстер! У вас дела к моему мужу? «Обыск!» — попял Ярославский.

Всего несколько часов назад встретил он полицмейстера на улице. Полицмейстер даже поздоровался.

Дома Ярославский ничего опасного не хранил. Поэтому он спокойно подвинул полицмейстеру стул.

Два жапдарма рылись в кухонной утвари, в книгах, а Ярославский рассказывал о своей летней экспедиции по реке Олёкме.

— Удивительный край! — говорил он. — Можно месяц идти, и не встретишь ни одного человека. Я собрал там богатейшие ботанические и геологические коллекции.

Окончание. Начало в «Искорке» № 4.

Полицмейстер разомлел около печки. Он сидел в полудрёме, и было непонятно, то ли слушает Ярославского, то ли просто спит.

— Всё осмотрели, ваше благородие, ничего противозаконного нет, — доложил жандарм.

— Что ж, теперь перейдём в музей, — вздохнул полицмейстер. — С удовольствием дважды присутствовал на ваших публичных экскурсиях. А теперь вам придётся проводить меня по музею, так сказать, для выполнения служебных обязанностей.

Ярославский перехватил тревожный взгляд Клавдии Ивановны, надел шапку и пошёл впереди жандармов через двор в здание музея.

— Экспонаты мы нарушать не будем, — сказал полицмейстер, — пусть стоят, а вы проводите меня в свой кабинет.

Вдоль степ кабинета стояли ящики с каталогами. У окна — письменный стол, в котором хранились паспорта и печати.

«Как глупо, что не сделал тайник!» — подумал Ярославский.

Ящики письменного стола были не заперты, только средний, как раз тот, в котором хранились паспорта, был на замке. А ключ от него остался дома.

«Не получают они у меня ключа, пусть ломают, если им надо», — подумал Ярославский.

Жандармы стали разбирать малопонятные надписи на латинском языке в карточках. Полицмейстер нехотя выдвинул левый ящик письменного стола.

— Что у вас там? — спросил он, не глядя вовнутрь.

— Музейная документация.

Полицмейстер также едва-едва выдвинул правый.

— А здесь?

— Переписка с Академией наук, с иностранными музеями.

«Неужели пронесёт?!» — подумал Ярославский.

Чтобы полицмейстер не заметил его волнения, он повернулся к жандармам и подсказал правильное произношение нескольких латинских слов.

— Да-да, — сказал он потом полицмейстеру, — это эфедра — лечебное, очень полезное растение. Одно из моих открытий в местной природе. Её можно расселять в зоне Якутска, как раз об этом я пишу сейчас статью.

Полицмейстер сел на стол, загорев ногами средний ящик с паспортами.

— И здесь ничего такого нет, одна чистая наука, — проговорил жандарм.

— А я что говорил? — подтвердил полицмейстер. — Я бы и не пошёл к вам с обыском, да из Иркутска прислали телеграмму, потребовали. Как будто я плохо выполняю обязанности и не знаю, кто чем занят... Слишком у вас много знакомых в городе, вот кто-то и настроил на вас донос. Рад, что всё обошлось благополучно, а то ведь вам неприятности были бы.

Полицмейстер ушёл вместе с жандармами.

— Пронесло, — сказал, улыбаясь, Ярославский жене. — Надо срочно сделать тайник.

ПЕРВЫЙ ПАРОХОД

12 мая 1917 года ещё плыли по реке последние недотаявшие льдины.

Все ждали парохода.

12 мая на самом первом пароходе уплывал Ярославский в Россию вместе с Орджоникидзе и Петровским, которые, как и он, отбывали ссылку в Якутии.

На здании Иркутского театра юного зрителя есть чугунная доска:

«В этом доме,
14/27 июня 1917 года, возвращаясь из якутской ссылки, выступали на митинге рабочих и солдат товарищи
Г. К. Орджоникидзе
и Е. М. Ярославский»

Они выступали в каждом большом городе, на каждой большой станции, мимо которых шла их дорога в Россию.

ТЕЛЕФОНОГРАММА

25 октября 1917 года.

Московский комитет партии большевиков заседал с утра. Все ждали вестей от Ногина. Ногин уехал в Пет-

роград, чтобы лично сообщить в Москву о начале революции.

«Владимир Ильич требует немедленно начать вооружённое восстание, а он уехал — и никаких вестей», — думал Ярославский.

Он сидел на жёстком стуле и слушал выступающих.

Многие в зале сейчас думали об одном и том же:

«Уже скоро двенадцать дня, хоть бы позвонил, сказал, как там у них в Петрограде!»

Ярославский отвлёкся на несколько минут и не заметил, как председателя собрания Лихачёва кто-то отозвал. А через минуту Лихачёв вернулся с листком бумаги и торжественно проговорил:

— Телефонограмма из Петрограда, от Ногина.

Все задвигались, а Лихачёв так же громко, выделяя каждое слово, стал читать:

— Сегодня ночью Военно-революционный комитет занял вокзалы, Государственный банк, телеграф, почту. Теперь занимает Зимний дворец.

«Наконец-то!» — подумал Ярославский и неожиданно почувствовал, что улыбается. Все в зале повскакали с мест, улыбались и аплодировали.

— Сегодня в пять часов открывается съезд Советов. Все войска на стороне Военно-революционного комитета, — кончил читать Лихачёв.

Ярославский сразу крикнул:

— Товарищи! Нам тоже пора! Солдаты готовы!

Через несколько часов большевики избрали 7 человек — партийный боевой центр. Эти семеро должны были руководить революцией в Москве. Одним из семи был Ярославский.

БОЕЦ И ЛЕТОПИСЕЦ

Прошло больше двадцати лет. Можно составить длинный список на многих страницах — в нём будут важнейшие задания, которые партия поручала ему в эти годы.

Белые части рвались к Москве. И Ярославский стал комиссаром Московского военного округа. Он организовывал первые полки Красной Армии.

В начале 1921 года его избрали секретарем Центрального Комитета партии.

Он привык работать с раннего утра и до ночи. Продолжал выступать на митингах, в газетах.

Учёные подсчитали, что лишь за два с половиной года гражданской

войны он напечатал в «Правде» 104 статьи. Если разделить количество статей на количество дней, то получается, что почти каждую неделю газета «Правда» печатала статью Ярославского.

А всего за свою жизнь он написал больше 2000 научных работ, статей и книг.

Его называли бойцом и летописцем Революции.

Сразу после победы вооружённого восстания в Москве он опросил активных участников — кто где был и что делал. И тут же напечатал большую статью. Это была первая статья по истории нашей Революции.

Истории партии большевиков он посвятил много книг.

По поручению Владимира Ильича Ленина Ярославский возглавил борьбу против церковников. Простые и понятные любому малограмотному человеку статьи и книги Ярославского о церкви читали по всей стране.

Он кончил лишь городское училище да сдал экзамены за четыре класса гимназии, но учился всю жизнь и стал образованнейшим человеком.

В 1939 году учёные избрали его академиком.

Он помогал многим: знакомым и незнакомым. Писатели Лидия Сейфуллина и Константин Симонов, композитор Шостакович с благодарностью вспоминали о его помощи.

В то время мало кто думал о космических полётах. Все считали их сказочной, фантастической задачей. Но Ярославский узнал, что великий теоретик космоса Циолковский живёт нелегко и тут же написал записку Генеральному секретарю ЦК партии Сталину. Надо немедленно, по-государственному помочь Циолковскому, чтобы «дать ему возможность с большей плодотворностью вести свою работу». Так писал в записке Ярославский.

В октябре 1922 года Емельян Ярославский прочитал военный устав итальянских фашистов. Этот устав только что напечатали в Италии, в других странах о нём пока ещё мало знали. Фашистов тогда не принимали

всерьёз, считали их мелкими политическими хулиганами. Но Ярославский сразу понял, кем могут стать эти мелкие хулиганы.

Немедленно он написал письмо Владимиру Ильичу и приложил фашистский устав.

С фашизмом необходимо начать борьбу уже сейчас, писал тогда Ярославский.

Утром 22 июня 1941 года Ярославскому позвонили из Кремля:

— Фашисты напали на нашу страну, нужна срочная статья в «Правду».

Чтобы написать большую серьёзную статью, надо хотя бы несколько дней.

Ярославский написал такую статью за несколько часов, потому что он готовился к ней уже много лет.

Статья была напечатана в первом военном номере «Правды». Она называлась «Великая Отечественная война советского народа». Очень скоро эти слова — «Великая Отечественная война» — стали всенародными.

Ярославскому было уже 64 года.

Любой, даже самый сильный человек, отсидев в каторжных царских тюрьмах, побывав в ссылке, ощущал их след на своём здоровье.

Ярославский не мог думать о болезнях. Об этом думать сейчас было нельзя.

В самые трудные для страны дни, когда фашистские дивизии стояли в подмосковных деревнях, он возглавлял лекторскую группу Центрального Комитета партии. Он выступал перед солдатами на полянах в заснеженном лесу, в землянках.

И лишь когда Советская Армия перешла в наступление, когда фашистов гнали по всем фронтам, он согласился лечь в больницу.

ЗАПИСКА

Теперь ему было 65 лет, и жизнь его через час могла оборваться...

В этот день, 25 июня 1943 года, он лежал, а точнее сидел в постели хирургической палаты Кремлёвской больницы.

Несколько раз мимо открытых дверей палаты прошёл хирург. Поверх халата на нём был большой клеёнчатый фартук, и рукава у халата были уже засучены.

Емельян Ярославский знал, что хирург готов и ждёт его.

Медицинская сестра уже минут десять подряд позвякивала инструментами. Она тоже ждала его.

А он был недоволен последними фразами своей статьи в завтрашней «Правде» и переписывал их заново.

Последствия операции могли быть самые разные. Врачи не скрывали этого, хотя и говорили, что надеются на успех.

Статья была важная, о работе советских людей в тылу. Ярославский знал, что здесь же, в больнице, внизу, ждёт газетный курьер.

В тот момент, когда Ярославский поставил последнюю точку, хирург в который раз уже снова заглянул в палату.

— Я готов, — сказал Ярославский, складывая листки, — хотя, если вы позволите задержаться на две минуты, я напишу ещё записку.

Это была не оттяжка, нет.

Он хотел ободрить тех, кто сидел сейчас в редакции и ждал его статью. Пусть они знают, что и он тоже думает о них. А может быть, записка

эта была прощанием. Последним товарищеским приветом.

Нечаянно он взглянул в зеркало, что висело на стене напротив постели. Пожилой человек, седые кудри, седые усы, пенсне.

— Можно приступать, — сказал он. И улыбнулся хирургу.

На следующее утро, едва придя в сознание, Ярославский спросил:

— А как статья?

Перед ним положили свежий номер «Правды» с его статьёй.

Он прожил всего несколько мучительных месяцев после операции. Но о том, как было трудно ему, — могли догадываться лишь самые близкие.

И в эти месяцы страна постоянно читала его статьи в центральных газетах.

Он умер в ночь на 4 декабря 1943 года.

А ещё 2 декабря «Правда» печатала новую его статью. И были там такие строки:

«Будем же не покладая рук работать над тем, чтобы каждый из нас мог сказать: «Да, в великом деле борьбы за Родину есть и моя — пусть маленькая — доля участия. Я сделал всё, что мог и должен был сделать как патриот великой нашей Советской Родины...»

Рис. Ю. Шабанова

Семён ТРЕСКУНОВ

Экзамен

*Открыт приём в сосновый бор
Для всех, чей голос чист.
С утра звенит пернатых хор,
И каждый в нём — солист.*

*Экзамен весело сдают,
Чуть выплеснет рассвет.
И победители поют.
А побеждённых — нет.*

Рис. Л. Московского

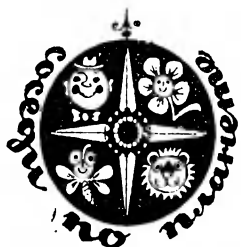
ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

Александр Гостомыслову 38 лет. Он родился в семье военного моряка, моряком стал его старший брат, стал моряком и Александр. Он ходил в долгие рыбацкие рейсы в Атлантический океан.

Рассказ Александра Гостомысова, который мы предлагаем нашим читателям, не выдуман, он привезён из Атлантического рейса.

Сейчас А. Гостомыслов — журналист, работает в журнале «Костёр». В «Искорке» А. Гостомыслов печатается впервые.

Александр ГОСТОМЫСЛОВ

Артисты из Атлантики

В самом верху, на кормовом мостике, электромеханик Виктор Жолобов оказался случайно. Он посмотрел на горизонт и увидел, что на траулер надвигается тёмная полоса. Полоса неторопливо расширялась, разрасталась, и вдруг он с ужасом понял, что это небывалых размеров волна, которая бывает от подводного землетрясения.

— Седьмой вал идёт! — крикнул он вниз, на траловую палубу, ничего не подозревающим матросам.

Все тут же кинулись внутрь судна, за последним матросом с лягом захлопнулась стальная дверь. Виктор заскочил в рубку и закрыл дверь на задрайку.

Перед волной шёл глубокий «овраг». Траулер бесшумно осел в него кормой. Затем навалилась волна, и судно стало задираť корму, но два прочных стальных троса, на которых сзади шёл трал, не дали ему взлететь вверх, и со страшным рёвом и грохотом траулер стал кормой прорезать волну. Самого траулера стало не видно, из воды и пены торчали только рубки да мачта. Палуба ушла из-под ног — так резко осело судно.

— Ну держись же, держись! — просил Виктор судно.

Огромная волна прокатилась, и траулер стал медленно всплывать, словно подводная лодка. Вода, шипя и пенясь, скатывалась с надстроек, с палубы. Опасность миновала. Виктор вышел из рубки. На палубе дыбились обломки разбитого катера, на трубе — вмятина, большими петлями размотана бухта троса, тёмными заплатами прилипли к палубе обрывки брезента. И среди всеобщего хаоса на траловой палубе сидело принесённое волной семейство морских львов.

Выйдя на палубу, тральщики тут же столкнулись с ним.

— Это что ещё за незваные гости?

Матросам было не до развлечений. Вооружившись щитками на палках, которыми обычно сгребают рыбу в трюм, они стали выгонять припльцов. В почтенного главу семейства уперлись сразу три щитка. Моряки поднажали, но, оказалось, тяжёлую, в полтонны, тушу не так-то просто сдвинуть с места. Лев, очевидно, не сразу понял, что с ним произошло. Он оглядывался, принюхивался и ничего не мог понять. Матросы, суетившиеся рядом, рассердили его. Он поднял голову на мощной шее, оскалил клыки и бросился на людей.

Львиное семейство оказалось не из робких. Лев рычал, лаяла львица, визжали дети. Рыбаки побросали щитки и ретировались кто куда. Увлечённые погоней львы рассеялись по коридорам судна.

С повреждениями пришлось возиться до ночи. Когда Виктор подошёл к своей каюте, то увидел дверь открытой. На его койке, положив чёрный раздвоенный хвост на подушку, посапывал носом львёнок. Досыта навозмущавшись, Жолобов устроился спать на крошечном диванчике под иллюминатором.

Утром траулер разбудил рёв голодных морских львов. Им предлагали рыбу свежую, мороженую и даже жареную. Львы не брали никакой и продолжали оглушительно реветь. Львёнок из каюты Виктора тоже уходить не собирался, он сидел на койке и ждал.

Виктор принёс ведро сырой и бачок жареной рыбы. Ведро поставил на пол, бачок к себе на стол. В любом деле главное — личный пример. Похрустывая нежной, обжаренной с мукой рыбой, Виктор съел её всю. Львёнок печальным криком провожал каждую проглоченную рыбку. Потом моряк показал гостю пустую посуду, вздохнул:

— Ты уж не обижайся, приятель. — Пододвинул к себе ведро и стал выбирать сырую рыбку получше, как бы раздумывая, с какой начать.

Львёнок с хитрой ухмылкой продолжал сидеть на подушке. Виктор выбрал рыбку пожирнее, снял с неё шкуру, посыпал солью, вздохнул и тоже съел. Зверь перестал орать и ухмыляться. У него хватило ума правильно оценить характер нового знакомого. Гость спрыгнул с койки и протянул нос к рыбе. Оказывается, вкусно. Даже очень!

У сытого львёнка голос стал мягче, приятнее. Вся семья тотчас явилась проведать младшего. Увидев, что дружеские отношения с судовым электромехаником не принесли их родственнику никакого вреда, остальные львы тоже признали Жолобова и позволили ему накормить себя.

— Что поделаешь, — вздыхал Виктор, переходя с ведром от одного зверя к другому. — Лев — царь природы, пришла ему такая блажь — никуда не денешься, приходится терпеть.

Рейс заканчивался, и судно направлялось домой, в Ленинград. Львы категорически отказались покинуть судно. Пришлось их взять с собой. С превеликим трудом удалось согнать взрослых львов с палубы в огромную ванну с водой, где обычно держали свежую рыбу до разделки. А малыши так и жили по каютам, развлекая экипаж. Электромеханик, прозванный львиной кормилицей, ходил по судну и по очереди кормил животных.

В порту не знали, что делать со львами, и позвонили в цирк. Через час приехала знаменитая дрессировщица. Она всплеснула руками от восторга, и у борта траулера появилась специальная машина.

Первое, что сделали морские львы, очутившись в цирке, — задали трёпку родственникам-артистам, живущим в цирке морским львам. Затем они гордо отказались от пищи, и их голодный рёв сотрясал огромное помещение. Знаменитая дрессировщица натыкала свежую рыбу во все щели, трясла ею перед носом львов, но они отворачивали головы, ревели и худели на глазах.

Из цирка позвонили на траулер. Узнали, что электромеханик на пять дней уехал в деревню к детям. Пришлось его вызывать срочной телеграммой. Он пришёл в цирк очень сердитый. Львы присмирели и приняли рыбу из его рук. Через две недели траулер уходил обратно в Атлантику. Оставшись без кормильца, львы вновь объявили голодовку. Электромеханику в аварийном порядке была найдена замена, и он, вздыхая и ругаясь, остался в цирке.

Директор цирка, соблазняя моряка блестящей перспективой дрессировщика, предлагал ему остаться работать у них.

— Ты посмотри, как львы тебя слушаются! Таких людей, как ты, один на миллион.

Но Виктор терпеливо учил зверей обходиться без него и между прочим с подсказки дрессировщицы научил их нескольким трюкам. Затем ушёл в Атлантику в спаренный рейс — на год.

Вернувшись, Жолобов узнал, что взрослые львы так и не поддались дрессировке. Их пришлось отдать в зоопарк. А львята подросли и с успехом выступают на арене. В этот день их программа шла в Москве. Виктор махнул туда на самолёте как раз к представлению. Знаменитая дрессировщица кидала пёстрые мя-

чи. Львы ловили их и ловко жонглировали. Один мяч полетел к самому барьеру. Лев, собравшийся его поймать, повернул голову и взглянул на бородатого зрителя в первом ряду. Затем встал лапами на покрытый бархатом барьер, принюхался и оглушающе заревел.

Два других льва бросили свои мячи и кинулись с арены, — сея панику среди зрителей. Дрессировщица и поспешившие ей на помощь униформисты штурмовым отрядом двинулись к месту происшествия. Бородач вышел на арену, львы с рёвом прыгали вокруг него. Встревоженная публика не знала, как ей реагировать. А львы с явным удовольствием выполняли команду необычного зрителя в толстом, пахнущем рыбой свитере.

Дрессировщица взяла микрофон и объявила:

— Перед вами на арене рыбак Виктор Жолобов. Команда траулера, на котором он плавает, подарила цирку этих прекрасных животных, звери помнят и слушаются своего друга.

Виктор неуклюже поклонился и попятился к выходу. Львы с лаем поспешили за ним.

Первыми зааплодировали видевшие всё униформисты.

Рис. Е. Галеркиной

Каждый день на границе начинается с боевого расчёта, где звучат слова: «Приказываю выступить на охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик».

Государственная граница неприкосновенна, и, чтобы никто не посмел нарушить её, идут в дозор пограничные наряды, поднимаются в небо самолёты, выходят в море корабли.

Часовые Родины — на посту.

О том, как живёт морская пограничная застава, репортаж Ю. Ковешникова из Краснознамённого Северо-Западного пограничного округа.

Ю. КОВЕШНИКОВ

МОРСКАЯ ЗАСТАВА

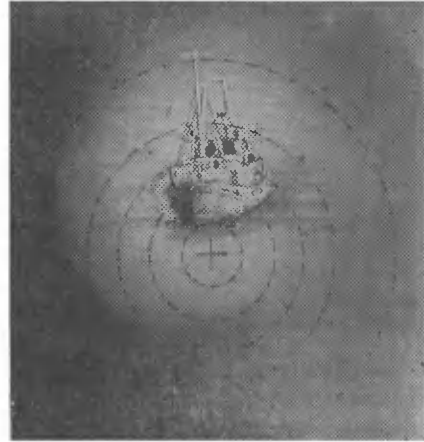
Первыми мотобот обнаружили радиометристы. Цель на экране локатора появилась внезапно. Нельзя сказать, что это было для пограничников большой неожиданностью. Но кто может выйти ночью в такую погоду в море, когда над водой плотной пеленой навис туман? Конечно же, этот визит в наши территориальные воды незнакомец нанёс неспроста...

Дежурный наносит на карту-планшет движущуюся цель. Теперь счёт пошёл на секунды.

Ближайшему дозорному кораблю выданы точные координаты местонахождения неизвестного судна. Корабль быстро вышел в заданный район моря. Несколько минут полного хода, и в луче прожектора высветился мотобот. А ещё через несколько минут он был пришвартован к борту пограничного корабля.

И тут только выяснилось: нарушитель границы был учебным... Остаток ночи на посту, где первыми обнаружили цель, прошёл спокойно...

Этот пограничный пост находится на одном из рубежей Северо-Западной морской границы. Скальный остров, окружённый на многие километры водой, словно боевой дозорный корабль, несёт непрерывную вахту на самом краю советской земли. И хотя за время службы его команда вступит на настоящий корабль разве что при переезде с Большой земли на остров и обратно, всё на острове напоминает о прямой принадлежности его обитателей к морю. Кубрик, камбуз, кок и другие флотские термины — обязательные слова в обиходе погра-

ничников. Уважаемы здесь и неписанные морские законы.

— Вряд ли на сухопутной заставе вы найдёте столько техники. Нет, морскую форму мы носим не зря. У нас даже есть, как у корабля, капитанский мостик,— говорят пограничники. А капитанским мостиком они называют сторожевую вышку над островом. Отсюда днём и ночью в любую погоду ведётся наблюдение за охраняемым районом. Путешествие по острову много времени не занимает. Идёшь словно по хребту огромного доисторического животного. Тропинка, выложенная деревянными мостками, вьётся по скалам, отшлифованным ветром. И куда ни ступи — кругом скалы.

Правда, на скальную целину ведётся наступление: оборудован спортивный городок, где каждый день после пробежки делают зарядку. Завели моряки и свой огород. Но, чтобы посадить лук и другие овощи, пришлось с Большой

земли на корабле везти чернозём. Доставляли его в бидонах. Сколько — и не счесть.

В мае вместе с огородом оживают и тоненькие деревца — распускаются листочки на крохотной посадке каменистого острова. Это парк Победы — насаждение искусственное — в память о защитниках этого кусочка советской земли. Здесь ещё много примёт войны — колючая проволока, выдолбленные прямо в скалах ходы сообщения, окопы, укрепления, россыпи проржавленных гильз. Несколько раз переходил остров из рук в руки в 1942 году. В вечном карауле на месте жестоких боёв застыл обелиск. Его пограничники изготовили сами.

Путешествие подходит к концу. Экзотика экзотикой, но главное на острове — это люди...

Первым нас встретил при высадке с корабля комендант острова, командир подразделения лейтенант Александр Пантюхин. Выпускник училища, он по комсомольской путёвке пришёл в пограничные войска. Для него остров стал родным совсем недавно.

Когда мы попросили командира назвать лучших пограничников, он сказал, что все они отличные ребята.

Только что был отдан приказ очередному наряду заступить на охрану Государственной границы СССР.

— Дежурный матрос Попарин, — докладывает на одном из боевых постов пограничник. Ещё совсем недавно Сергей был самым обычным штатским пареньком. Но, попав на остров, освоил профессию радиста.

Если говорить о специальностях, то у каждого на морской заставе кроме своей основной есть как минимум в запасе ещё одна. В условиях острова взаимозаменяемость играет большую роль. Взять, к примеру, хлеб. Его здесь пекут сами. Вот и приходится пограничникам идти в пекари. Но учатся жизни молодые люди не только по необходимости...

Когда я шесть лет назад первый раз побывал на острове, познакомился с матросом Славой Григорьевским. Уже давно закончилась его служба, возмужавшим, просолевшим на балтийских ветрах вернувшись пограничник домой. Но память о нём осталась. Пожалуй, об обедах, которые по праздникам, да и в будни готовил Слава, помнят до сих пор все его сослуживцы. Довелось отведать флотский борщ Григорьевского и мне. Слава был не только хорошим кулинаром, а и отличным специалистом и фельдшером. И ещё такая немаловажная деталь: с появлением его на острове по-иному стали выглядеть кают-компания и Ленинская комната. Слава оказался самобытным художником.

Тогда ещё по пути на остров мне советовали обязательно побывать в кают-компании. Действительно, интерьеру, а он сохранился и по сей день, и новобранцы немало удивляются. Слава жил в Москве, служил на Большой земле. На остров попросился добровольцем. И не по-

жалел — столько дарований раскрылось у него здесь. У меня до сих пор хранится подарок Славы — портрет Дзержинского, выполненный графически на обычном стеклянном прямоугольнике.

После Григорьевского на острове сменился полностью весь состав, и не раз. Но славные традиции передаются из поколения в поколение.

Сейчас вас встретит мастер на все руки старшина 2-й статьи Жудис Миндоускас. От того, как свои обязанности будут исполнять радист старший матрос Владимир Громов, метрист матрос Михаил Сергеев, электрик старший матрос Сергей Константинов и их товарищи, зависит не только исправность техники, жизнестойкость заставы, но и неприкосновенность морской границы в заданном им районе.

А пауз здесь не бывает. Вокруг на морских просторах проложены десятки фарватеров, на которых жизнь — движение судов — не затихает ни на минуту. Вот почему бесперебойно ведётся наблюдение за морем. Но от обитателей морской заставы требуется не только бдительность, но и немалое мужество — письма и те приходят с материка лишь с патрульным кораблём.

...Когда мы возвращались на Большую землю, пожалуй, самым ценным грузом в этот момент была небольшая стопка конвертов — письма домой с далёкого острова.

Фото М. Ширмана

И. ТЕСЛЕНКО

КАК СТАТЬ ВЗРОСЛЫМ

ТАБЛЕТКА ДЛЯ РОСТА

«Я — сам!» — вот что произносит любой малыш, как только вступает в возраст, который принято называть сознательным.

Я — сам, потому что я уже большой и сильный. Я — сам, потому что хочу доказать: у меня есть голова на плечах и ловкие руки. Я кое-что соображаю и прекрасно справлюсь со всякой работой. Малыш хватается за ещё неизвестные дела: обжигается об утюг, укалывается иголкой, проливает молоко, запутывается в шнурках, надевает правый ботинок на левую ногу. Но он не отчаивается. Самостоятельность прежде всего. Как же ещё поймёшь, какая она — окружающая жизнь. Какой у неё вкус, цвет, запах? Я сам войду в эту жизнь, я сам попробую, узнаю и докажу.

Так начинают все. Взрослеют, набираются сил, умений, знаний, опыта.

Но тут с некоторыми людьми, вышедшими из малышового возраста, происходит странная и таинственная вещь. Они забывают эти спасительные слова: «Я — сам!» — и перестают расти. Нет, не пугайтесь, конечно, у них прибавляется сантиметров, увеличивается вес и размер одежды.

Но внутри они остаются лилипутами, крошками. Появляются усы, борода — возраст обязывает, — а они всё на прежнем уровне. Вон какие вымахали, а не растут.

Я знаю пятиклассницу, которую бабушка провожает в школу, потом встречает, и при этом несёт её портфель.

Знаю десятиклассника, которому мама стелет постель, разогревает ужин, а папа чинит электробритву, завязывает галстук и вбивает гвозди, когда сыну надо повесить на стену картинку.

Знаю двадцатилетних, тридцатилетних людей — духовных лилипутов, не умеющих принимать решений, беспомощных, робких в работе, в жизни. Неужели эти люди неизлечимы? Неужели им уже никогда не вырасти? Да нет, всё возможно. Дос-

таточно им начать принимать удивительные, неизвестные медицине таблетки под названием «Я — сам», как они вновь начнут расти.

Но, к счастью, есть люди, которым эти таблетки не нужны. Они здоровы, они растут, потому что никогда не забывают про это чудодейственное «Я — сам». О таких ребятах и пойдёт речь.

СЛОЖНЫЕ ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

Архимед стал Архимедом до того, как он воскликнул: «Эврика!», Левенгук стал Левенгуком до того, как он увидел в микроскоп то, что происходит в капле воды, а Рентген стал Рентгеном не в тот день, когда он протянул руку между трубкой и эк-

рапом и увидел на экране кости своей руки — обнаружил действие X-лучей. Случай идёт навстречу только тому, кто его ищет. Исследователи проявляют себя рано, в детстве, чаще всего за школьной партой. Исследователем человека делает не аттестат зрелости, не диплом, не звание. Исследователем делает в первую очередь жгучее любопытство ко всему окружающему.

Антон Криницкий пока ещё семиклассник, учится в 525-й школе. Но он очень жалеет, что дома можно проводить только самые элементарные опыты, а то спалишь или затопишь квартиру. Вот бы в настоящую лабораторию! Антон Криницкий спешит, торопит время. Многие говорят — рано, не дорос, потерпи. Ну какой из тебя исследователь? Учись хорошо, не выдумывай. Всё впереди.

А если ждать невозможно, если хочется всё попробовать, испытать уже сейчас?

Села батарейка, лампочка горит еле-еле. Где-то услышал Антон, что нужно прокипятить батарейку в насыщенном растворе соли. Значит, надо попробовать. Мама шутит:

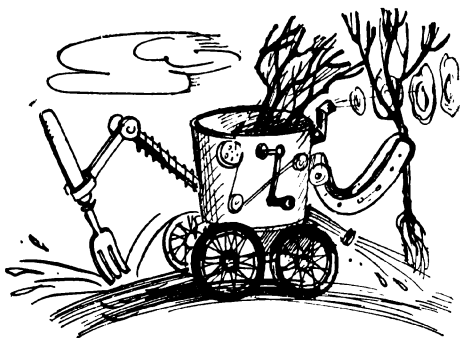
— Ты как баба-яга над котлом: «Закипай в котле водица...» Нос не ошпарь!

Но Антону не до носа. Вода почти выкипела, и стенки стали белыми-белыми, будто покрылись толстым слоем инея. А как батарейка? Антон с нетерпением вставил её в фонарик. Не горит!

— Ну что, естествоиспытатель? — спрашивает мама.

В ответ Антон только машет рукой. Чего он только не пробовал! Сорняки крысыном травил, морковь с пыреем скрешивал, чтоб она стала выносливее. А летом на даче сконструировал универсальный «комбайн» — машину, которая сама выкапывала ямки, засыпала удобрения, а механическая рука подавала саженец. «Комбайн» испытывался на глазах изумлённых зрителей — лихо двигался по грядке. И вдруг неожиданно для всех развалился.

Антон не задаёт себе вопроса: зачем ему это — всё пробовать, испы-

тывать, проверять. Ему интересно. Вот и всё. Его любимый предмет — природоведение. То его заинтересуют вулканы, а то самая обыкновенная вода. Антон ищет книги, пытается разобраться: почему вода «мокрая»? Может вода гореть? Есть ли она в космосе, на других планетах? Антон хочет стать астробиологом. Изучать жизнь на других планетах. Может быть, ему предстоит высадиться на Марсе, основать станции на спутниках больших планет, изучать Солнце и бесчисленные звёзды. Это пока мечта.

Наверно, кто-то спросит: «Зачем нужно проверять самому то, что написано в учебнике, зачем открывать уже открытое, проводить смешные примитивные опыты впустую?» Действительно, для чего эти поиски, хитроумные приспособления, если Антон не придумал ничего нового, не открыл никакого закона? Тяга к познанию, любопытство важны не менее, чем всякие соображения о пользе, о результатах. Сам факт открытия нового (пусть только для себя) — награда.

Может быть, Антон не станет великим учёным, астробиологом. Но, думается, кем бы он ни был — инженером, рабочим, учителем — исследовательская жилка ему пригодится.

ВОКРУГ БУМАЖЕК...

Я, как и все, прошла мимо. С неприязнью и удивлением взглянула на груды ровно нарезанных узких бумажек. Ветер гонял их по школьному

двору-колодцу вперемешку с осенними листьями. Бумажки намокали в лужах, прилипали к асфальту, к подошвам прохожих. Прохожий есть прохожий. Он спешит по делам. Я тоже спешила в 206-ю школу, поэтому, как и все, успела только поморщиться: «Откуда бумажки-то свалились? Какой неприглядный вид. И никто не уберёт».

Возвращаясь, я увидела девочку в очках и вязаной шапочке. Большой дворницкой метлой она очищала асфальт от мусора.

Вокруг шумела школьная братия, разбегалась после уроков — по делам, по домам, по кружкам. Казалось, только этой девочке некуда спешить.

— Юлька Жукова дворником заделалась, — хихикнул какой-то мальчишка и прошмыгнул в дырку, проделанную в заборе.

— Юлька, — хмыкнули стоящие невдалеке девочки, — ты тогда и лужи уж вытри. А мы пошли. Пока!

Но я их немножко задержала:

— Помогли бы человеку. Ведь вместе быстрее...

— Ну, это же бесполезно. Ветер всё равно бумажки снова разнесёт. И куда их деть? И метла одна. Да и почему мы должны? На это дворники есть, — сказали девочки и разбежались кто куда.

А Юля Жукова подметала, не обращая внимания ни на смех одноклассниц, ни на происки ветра.

Я подошла к ней:

— Эту работу тебе поручили?

— Нет, я сама. Просто мне стыдно, что грязно у нашей школы. Что о нас подумают? Ветер — не помеха.

Я соберу бумажки и сложу в ведро. Разве это очень трудно?..

Потом я шла и думала «Правда, всё очень просто. Что за проблема? Грязно? Взять метлу и подмести. Темно на лестнице? Лампочку ввинтить. Чужой ребёнок в коляске плачет? Подойти и успокоить. Не проходить мимо. И тогда сразу всюду станет чище, светлее, лучше».

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ ФЕЙЕРВЕРК

Ни в одной школе мальчиков не учат печь пироги и печенье, варить обед, убирать дом. Не мужскими, что ли, эти дела считаются. А зря! Вдруг всё-таки эта наука пригодится? Нет такого знания и умения, которые никогда не понадобятся.

Друзья из средней Мгинской школы Олег Барабыкин и Гена Фомина в этом убедились. Родители Олега уехали на несколько дней и оставили его одного.

— Слушай, Генка, — сказал он другу, — не поживёшь у меня? Вдвоём веселей.

Мама Гены всплеснула руками и воскликнула:

— Да что это будет? Разве вы с хозяйством справитесь?

Но всё-таки отпустила Гену с тем условием, что он будет звонить два раза в день.

...Гена и Олег почувствовали себя хозяевами в доме и принялись за дело.

— Давай-ка уберём как полагается, — предложил Гена.

— А что? Идея! — согласился Олег.

Мыли пол, окна, вытирали пыль, вытряхивали ковёр. Проливали воду, роняли стулья на ноги, глотали пыль, но терпели... В конце концов надо всему когда-нибудь учиться.

Когда чистота была уже неопишущая, решили подумать о хлебе насущном.

— Ну что, — сказал Гена, — может, сварим чего попроще — макароны?

— Ещё чего, — возразил Олег, — хочется чего-нибудь вкусенького.

Всё «вкусенькое» было скрыто в кулинарной книге.

Остановились на жарком... Было дымно так, что ело глаза, потом глаза стали слезиться от лука, потом кончилось масло — пришлось бежать в магазин, запахло жареным, даже пережаренным, добавили воды, бросили картошку. Всё закипело, забулькало... И вдруг неожиданно из всего этого экспериментального месива возникло нечто потрясающее, ароматное и аппетитное. Олег и Гена носами вытягивали этот удивительный, ни с чем не сравнимый запах.

— Ура! Победа! — закричали они и быстренько и с удовольствием съели то, что создавали так тщательно и с таким трудом.

— Теперь, — решили ребята, — нам жарко сделать пара пустяков.

С кулинарной книгой они теперь не расставались.

Каждый день осваивали новое блюдо: борщ, котлеты, компот, оладьи... Это был какой-то гастрономический фейерверк.

— Неужели правда? — удивлялась по телефону мама Гены.

— Конечно, — обижался Гена. — Завтра мы тебя приглашаем на праздничный прощальный ужин. Сама увидишь.

...На столе стояли салаты, лежали аккуратно поджаренные антрекоты, а главное — пирог с капустой (чуть недопеченный) и печенье (чуть подгоревшее), но всё-таки очень привлекательные.

— Так вы уже кулинары настоящие, — поразилась мама, попробовав яства. — Вот ведь чего настряпали.

— Да нет, мама, — улыбнулся Гена. — Радиотехника нам, конечно,

больше нравится. Только это тоже интересно. Всему можно научиться.

ТИМУР БЕЗ КОМАНДЫ

Кто это там крадётся? Я прищурилась, вглядываясь в темноту. Так, их двое. Один поменьше, другой побольше. Вид, кажется, очень решительный. Что-то держат в руках... А, разглядела: верёвку, какие-то бумажки. Подошли к дереву, наклонили ветки. Хулиганы? Что же они собираются делать?

— Хулиганы! — Из форточки на первом этаже выглянуло испуганное лицо. — Вы что это под окнами ходите вечером, а? Вы что это деревья ломаете?

— Тётяшка, мы не хулиганы, — прозвенел девчоночий голос.

Но тут тётяшка заметила меня и сердито крикнула:

— А вы, взрослый человек, стойте себе. Разобрались бы, чего они там ходят и ходят...

Я отправилась к «злоумышленникам» разбираться, чтобы подтвердить почётнейшее из званий — звание взрослого человека.

Передо мной стояли мальчик и девочка. Они озябли и поэтому то переминались с ноги на ногу, то подпрыгивали.

— Что это вы бродите в темноте, среди деревьев? Кто вы?

— Тимур Черепнин, — сказала девочка.

— Наташа Редькина, — сказал мальчик.

А потом вместе добавили:

— Мы не хулиганы. Мы в пятисот одиннадцатой школе учимся. Мы друзья птиц... Кормушки вешаем.

Они показали мне бумажные кормушки на длинных верёвках, штук двадцать, не меньше, и кулёк с зёрнами.

— Всё это вы сегодня хотите повесить?

— Конечно, — отрезал Тимур, — у нас такой план — каждый день двадцать пять кормушек.

— А может, сегодня чуть-чуть поменьше, а? Холодно! — Наташа просительно взглянула на спутника.

— Ну что это такое, — строго сказал Тимур. — Правильно говорят, что девчонки — предательницы. Мы же договаривались!

— Ладно, — тихо согласилась Наташа и взглянула на меня. — Понимаете, Тимур однажды подобрал во дворе замерзающую голодную птицу. Он закутывал её в вату, даже ставил компрессы. Она кашляла и чихала. А потом всё-таки умерла. Поэтому Тимур, то есть мы вместе решили всегда заботиться о птицах.

— А птиц-то в городе ого-го сколько! — Тимур уже тянул Наташу за рукав. — Вот мы и торопимся.

— И это вся твоя команда, Тимур? — кивнула я на Наташу.

— Ага, — подтвердил Тимур, — конечно, хорошо бы всем классом или даже школой... Только все заняты —

кто на пианино играет, кто в хоккей... У всех дела. А у нас с Натахой вот это самое важное — кормушки развешивать!

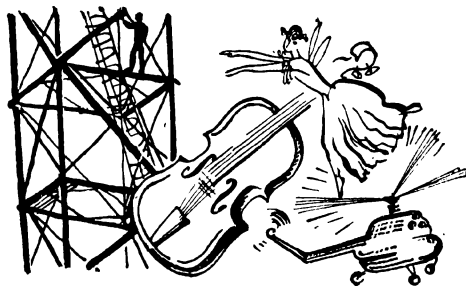
Тимур и Наташа пошли дальше, куда-то в темноту, а я всё стояла у дерева и думала: «А ведь ребят-то в городе, наверное, не меньше, чем птиц. Достаточно каждому мальчику, каждой девочке повесить хотя бы две кормушки в день, хотя бы одну, — не будет ни одной голодной птицы. А у Тимура будет огромная команда, а не одна помощница — Наташа».

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ВОПРОС

«Я — сам!» — вот что произносит любой малыш, как только вступает в возраст, который принято уже называть сознательным.

Но это только первый шаг к взрослению. А потом всякий разумный человек, желающий прожить свою жизнь интересно, насыщенно, делает второй шаг. Задаёт себе главный вопрос: «Чем я могу быть полезен людям?» Если задал себе этот вопрос и нашёл на него ответ, значит, ты уже взрослый, значит, ты не растеряешь тех навыков, умений и знаний, которые уже приобрёл. Значит, ты будешь счастлив.

Рис. Е. Галеркиной

КРАСНЫЙ ТОННель

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

— Алло, автобаза? Вызывает двести тринадцатая. Примите заказ на машины.

— Что? Двести тринадцатая? А разве ваша шахта не похоронена?

— Что значит «похоронена»? Её построили люди. А труд человеческий похоронить нельзя!

— Извините, я неточно выразился. Хотел сказать, что ведь в двести тринадцатую шахту три месяца назад ворвался пловун.

— Да, был пловун. Но вот теперь мы начинаем его вычищать. Нам нужны самосвалы. И побольше. Некогда нам прохладиться. Как только вычистим затопленные тоннели, сразу же продолжим строительство дальше.

— А не боитесь, что снова поплывёте?

— Нет. Теперь надёжно заморозили грунт.

— Но ведь и раньше морозили...

— Сравнили! Тогда был мороз не больше двадцати градусов, а сейчас морозильная жидкость даёт минус сто девяносто шесть!

— Ого! Откуда такая?

— Жидкий азот в скважины накачали...

Окончание. Начало в «Искорке» № 3 и 4.

КАКАЯ НЫНЧЕ ПОД ЗЕМЛЕЙ ПОГОДА

Надолго всем запомнился тот день, когда покидали двести тринадцатую шахту. Увидеть плачущего проходчика — такое и вообразить трудно! А у многих тогда на глазах были слёзы.

Главный инженер утешал:

— Мы ещё вернёмся. Не стоит вешать носа.

Только в возвращение не верилось...

И разбрелись проходчики по разным стройкам. На двести тринадцатой шахте осталось несколько человек. И те занимались совсем не проходческим делом.

Только морозильщики да бурильщики не покинули своих рабочих мест. Они-то и взяли на себя задачу — спасти шахту. А вот как это сделать, должны были придумать учёные.

Собрались профессора с инженерами на большой совет. Спорили, как сделать, чтобы опять не поплыла земля. И придумали: нагнать в тоннели космический холод. Ну, конечно, не из космоса его взять, а самим создать — с помощью жидкого азота. Он даёт температуру минус сто девяносто шесть градусов.

Лето уже наступило. Прохожие по улицам разгуливают в лёгких костюмах. А мимо мчатся «антарктиды на колёсах», распускают космический холод.

Если опустить резиновый мячик в жидкий азот, он тут же станет как стеклянный. Урони его на пол — и он расколется на мелкие кусочки. И упаси тебя капнуть хоть немножечко этой жидкости на руку — вмиг до кости прожжёт холодом! Бурильщикам приходилось быть особенно осторожными, когда заливали они азот в скважины.

Но всё обошлось благополучно: никто не обжёгся. Зато азот безотказно выполнил свою полярную работу — сотворил прочную ледяную преграду в тоннеле, где произошёл прорыв.

Наконец учёные сказали: готово! Теперь не меньше года будет держаться мороз под землёй. За это время можно и воду откачать из шахты, и закончить строительство тоннелей через подземную реку.

Вновь забеспокоились проходчики — всё, кто раньше работал на двести тринадцатой шахте. Обивают пороги у начальства: верните, мол, нас назад. Хотим, мол, завершить свою работу.

Просьбу всех удовлетворили. Только у Тихоновича произошла осечка — его врач задержал. У проходчиков есть такое правило — при каждом новом назначении в метро делают медицинскую проверку. Всем врач пометил: «годен». Одному Михаилу Григорьевичу — предписание в санаторий.

На что Тихонович человек дисциплинированный, но тут возмутился:

— Не буду выполнять!

Пришлось врачу заняться разъяснениями:

— Они все — ребята молодые. А вы-то — ветеран. Вот и Дедом одного вас зовут. Там, в затопленной шахте, погода не для вашего ревматизма.

Как ни сопротивлялся Дед, пришлось ехать в санаторий.

Тем временем «годные» проходчики разделились на отряды. Одни направились чистить двести тринадцатую шахту, другие — рыть тоннель с противоположной стороны — от площади Мужества. Посередине они должны были встретиться.

Бригаде Алексея Малышева досталась непривычная работа — качать воду из колодца шахты.

Опустили они в ствол десять толстых пожарных шлангов и подключили насосы. Семь суток качали. На восьмые насосы отказали,

— В чём дело? — забеспокоился шахтный инженер.

— Жижга появилась в колодце, — ответил проходчик, дежуривший у ствола. — Она густая — вроде чёрной сметаны: насосы не берут.

Опустили в колодец бадью. Зачерпнут жижгу, вытащат да прямо в самосвалы. Ещё полторы недели чистили. И опять остановились.

— А теперь что за причина? — недоумевал инженер.

— Не зачерпнуть бадьёй, — отвечали проходчики. — В колодце набилась земля, как чёрный творог.

— Эдак и до чёрного сыра доберётесь...

Спустились проходчики на дно колодца. Непривычно было ехать в шахтном лифте. Клеть облепила вязкая глина, по стенам стекала мутная вода. Но страшно не было. Главное, не пугал сейчас зловеющий рёв из-под земли.

Проходчики соорудили себе в колодце деревянные полки. Примостились на них, лопатами вынимают пływун-землю и всё ниже, ниже опускаются. Пока не достигли входа в тоннель.

Заглянули туда... и поразились.

Во всю длину широкого подземного коридора простиралась тяжёлая гладь бескрайнего моря. Оно казалось безжизненным и таинственным.

Только у самого входа в тоннель проходчики смогли выйти на топкий илистый бережок. И сразу сквозь резиновые сапоги почувствовали леденящий холод.

Потоптались они немножко, стали вязнуть.

— Дальше не пройдем, — сказал Малышев, — нужны лодки.

Пришлось завести флот. Доставили на шахту две складные охотничьи лодки. Да ещё сами сколотили бревенчатые плоты и дощатые поплавки.

Как раз и Костя Татаринovich в это время подросел со своей бригадой:

— А нас в моряки возьмёте?

— Конечно, возьмём.

Чем только не приходится заниматься строителям метро. Вот теперь будут осваивать необычное подземное плавание.

— В путь-то вы собрались. А хоть узнали, какая нынче там, в шахте, погода?

Вопрос Костин совсем не праздный. Тоннель, из которого выкачивали воду, весь слезился. С потолка капал настоящий дождь. С ребристых тубинговых стен сползала вязкая глина. Воздух был промёрзлый, сырой.

Однако проходчики старались не замечать подземной непогоды. Они радовались, что наконец снова вернулись в свой тоннель. Ведь всегда самым ценным и самым дорогим люди считают то, что сделано их собственными руками.

Совсем не просто оказалось шахту чистить. Принялись проходчики море выкачивать. Убирают воду насосами, выгребают ил скребками. По очереди ходят греться да обсушиваться в тёплую бытовку.

И подземное море мельчает. Скоро и дно показалось: студенистое, хлипкое — вроде киселя.

По дороге всякие сюрпризы попадают. Что такое? Полный состав вагонеток оказался похороненным в иле. Тут на бетоноукладчик наткнулись, там — на электровоз. Грустно было вести эти раскопки. В самых неожиданных положениях очутились машины. Пустые вагонетки под потолок всплыли. Тяжёлый электровоз почему-то торчком на рельсах поднялся. Наверное, его приподняло сильной волной. Лопат

ты, пилы, даже кувалды — всё всплыло на поверхность подземного моря.

Вернулся Василь Василич Скрипников. Привёл своих землерубов как раз к тому затвору, который несколько месяцев назад они пытались спасти. Увидели, что развалилась под мощными струями только бетонная рама, а сами ворота остались целёхонькими. Отворить их сразу не удалось.

— Наверное, вода давит с той стороны, — предположил Скрипников. — Как бы на второе море не наткнуться!

Для предосторожности сначала наверху затвора вырезали небольшой лаз. Действительно, плюхнулась из него чёрная вода. Но немного.

Скрипников пролез в оконце и обнаружил, что по ту сторону затвора тоннель чуть ли не под самый свод забит мельчайшим песком. До самого забоя всё был один песок. Тут он смёрзся — космический холод крепко сковал. Пиками отбойных молотков Костя Татаринovich с бригадой его откалывали. Добро, хоть кололся этот песок легко: жидкий азот превратил его в хрупкую стеклянную глыбу. Под пиками она мелодично дзинькала и трескалась.

Пока чистили тоннели, страшились, чтобы не столкнуться с новым пльвуном. Но тут, на шахте двести тринадцатой, его крепко космический холод держал. А вот с противоположного берега подземной речки, там, где бригада Володи Псюка рыла от площади Мужества встречный тоннель, выплеснулось второе грязевое море.

И опять забушевала буря под землёй. Хорошо, что теперь затворы сделали надёжные. Но снова остановились все работы. Месяц пришлось морозить грунт на месте прорыва. Кое у кого из проходчиков на сей раз нервы не выдержали. Зароптали они:

— Не одолеть нам подземную реку!

— Мы её тесним с одной стороны, а она нас устрашает с другой. Бригадира Псюка такие разговоры даже рассердили.

— Коли кому боязно, пускай переходит на другие шахты!

Как только открыли после аварии затворы, Володя Псюк первым проник в затопленный тоннель. Сколотил себе небольшой плотик из тонких брёвен. Оборудовал его лёгонькими досочками вместо вёсел, водрузился на него со всякими спасательными принадлежностями, надел поглубже на лоб свою щеголеватую зелёную каску с надписью «БАМ» над козырьком. И отчалил.

Воды в тоннеле налилось чуть ли не по самый свод. Володя то и дело за него цепляется каской. Едва держится на своём хлипком плотике. А ухватиться не за что: тубинги скользкие, в наледях. Тут надо крайне осторожно передвигаться. С плота опрокинешься — не всплывёшь!

Шарит Псюк по своду ярким лучом фонарика. Замечает, нет ли где между тубингами пробойн. И вдруг... над самой его головой разверзлась бездна. Попробовал Володя в неё просунуть «весло». Далеко оно ушло, да так ни во что и не упёрлось.

Протиснулся он сам по пояс в расщелину. Осветил вокруг фонариком и... О, диво!

Перед ним блестел подземный ледяной дворец. Посередине высились стройные белоснежные колонны. Стены искрились голубыми снежными узорами. Над головой серебрился маленькими звёздочками высокий купол.

Стояла пронзительная тишина.

— О-го-го! — крикнул, приложив ладонь к губам, Псюк.

— О-о-го-о-го-о! — гулко повторило эхо.

Володя привязал у входа в подземный замок верёвку, что была у него на поясе. Потом, держась за неё, вернулся назад.

Ему не поверили, когда он рассказал о том, что видел.

— Почудилось тебе, — сказал начальник шахты. Но на всякий случай вызвал главного инженера.

Вторично поплыли они к таинственному дворцу. Взяли с собой лесенку. И у входа в расщелину, поддерживая друг друга, проникли вовнутрь.

Главный инженер определил, как появился на глубине ледяной замок:

— Выплыла через расщелину непромороженная земля, и осталась эта огромная пещера. Колонны — это скважины для морозильной жидкости. Стены обросли толстым слоем инея. А на потолке заледенели падающие капли. Красиво — ничего не скажешь! Только пустую пещеру над метро мы не оставим. Как море откачаем, так сразу и забьём её бетоном.

На прощанье они сфотографировались в ледяном дворце. И Псюк на замороженной стене острой палкой нацарапал: «Вперёд, к победе!»

КРАСНЫЙ ТОННель

Как-то встретился Алексей Малышев с приятелем из другой шахты. Тот его и спрашивает:

— Что, говорят, вы там с какими-то картинами возитесь?

Малышев сразу понял, о чём речь:

— Музей устраиваем.

— Я серьёзно спрашиваю, — обиделся приятель.

— А я серьёзно отвечаю. Вешаем картины. Одна рядышком с другой. Каждая пуда по три весом. И все красные. В память об аварии...

Слухи ходили разные. Всех волновало, когда наконец удастся преодолеть эту коварную преграду на пути метро. Из-за неё задерживается строительство ещё пяти следующих станций в направлении на Гражданку.

И вот те же землерубы, которые воевали с пливуном, взялись перекинуть мост между двумя подземными берегами — от станции «Лесной» к «Площади Мужества». И пусть себе подземная река течёт после этого сколько угодно — мост выдержит!

Занятная выдалась проходчикам работка! Непривычно им было укутывать тоннель изнутри в разные оболочки. И уж на неё навешивали, как картины, стальные, покрашенные в красный цвет, листы. Их скрепляли прочно друг с другом. И получалась круглая галерея с рельсами внутри.

Кто умел только землю копать, тому тут делать было нечего, потому что надо было знать, как вязать металлическую сетку, сваривать металл, укладывать рельсы. Такая уж у проходчиков обязанность: быть мастером на все руки!

Как раз в это время и вернулся в шахту Михаил Григорьевич Тихонович. Вернулся он из санатория и узнал, какие дела развернулись в красном тоннеле.

Вася Некирка его тут лукаво спросил:

— Дед, сколько специальностей имеешь?

— Пять или шесть, — ответил Тихонович. — А что?

— Перечисли.

Михаил Григорьевич стал добросовестно перечислять:

— Бетонщик, арматурщик, машинист тьюбингоукладчика, машинист погрузочной машины, лебедчик. Вот недавно разряд чеканщика получил. Да, ещё забыл: когда-то я на заводе слесарем работал. Ремонтировал трамваи...

Некирка его перебил:

— А там, в тоннеле, требуются сварщики!

Дед прищурил глаза, усмехнулся:

— Что ж, выучусь и на сварщика.

Тихонович считал, что учиться никогда не поздно. Не сумел он в детстве закончить десятилетку — в Партизанском краю школы не было. Так он пошёл учиться уже взрослым. Не постеснялся. Дочка Галочка тогда как раз в седьмой класс перешла, и он в седьмой записался. Она из школы придёт, погуляет и садится уроки учить. А он с работы придёт, пообедает и бежит в школу. Дочка уже спать ложится. А он за уроки садится. Трудно было, но всё равно школу закончил. Будет и ещё учиться, если понадобится.

Близился конец многотрудного пути. С двух сторон шли навстречу друг другу проходчики. Всё меньше и меньше становилось расстояние между тоннелями.

И вот наконец наступило время, когда чутким ухом стало возможным расслышать, как стрекочут отбойные молотки за земляной перемычкой. Сходились друг с другом бригады Скрипникова и Кострикова.

Василь Василич Скрипников готовился к этому решительному моменту, как всегда, обстоятельно. От бригады Кострикова его отделяла всего двухметровая заиндевевшая стена. Он распределил проходчиков так, чтобы каждому было сподручно рубить породу. Сам стал к погрузочной машине. И сразу в восемь молотков пулемётным треском огласился забой. Начали сыпаться вниз льдистые комья.

Через полтора часа проходчики остановились перекурить. И вдруг сверху, где работал Гена из Соснова, раздался голос:

— Ой, пика провалилась!

— Куда?

— К соседям в забой,— засмеялся Гена.

Скоро пробито было второе отверстие, третье...

В образовавшейся арке показалось счастливое лицо молодого проходчика:

— Эй, ребята, вали стену!

В обоих тоннелях собралось много народу. Прибежали проходчики из других бригад, пришли инженеры, приехали начальники. Все с нетерпением ждали, когда разрушат до конца замороженную перемычку.

Наконец под звуки яростной дробы рухнула последняя преграда.

— Ура-а! — победно разнеслось по тоннелю.

Это были волнующие минуты. Через земляной проём бригадиры пожали друг другу руки и обнялись. Навстречу друг другу бросились ликующие люди.

Победа!

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

— Двести тринадцатая? Поздравляем весь коллектив с успешным завершением строительства! Вы победили!

— Спасибо. Трудно досталась нам эта победа. Плывун навязал настоящую войну под землёй.

— И сколько ушло времени?

— Восемьсот сорок восемь дней потеряли.

— Теперь придётся навёрстывать?

— Да, собираемся скоростное строительство применить.

— Каким образом?

— Машины нам новые прислали. Попробуем с их помощью.

— Новое дело, новая техника... Нужно ещё найти опытных людей, кому можно было бы те машины доверить...

— Есть у нас такие!

БЫТЬ ПЕРВЫМИ

Опять в забое показались мягкие пласты зеленовато-голубой глины. Рубить её было куда легче, чем замороженную землю. На этой глине и решили попробовать новую машину — механизированный проходческий щит.

Поручили это дело Михаилу Григорьевичу Тихоновичу. Его бригаде предстояло испытать новую машину на скорость. Бойкий Вася Некирка первым обо всём этом узнал:

— Назначили тебя, Дед, командиром подземного корабля,— весело сообщил он. — Гордись!

— Подожди радоваться. Ещё справимся ли...

«В любом деле трудно быть первым, быть пионером,— рассуждал про себя бригадир. — Может быть, потом люди сто раз повторяют то, что ты сделал. И даже лучше. Но это будет потом, когда уже всё выверено, опробовано. А сначала нужно самому проявить смелость, достичь такой высоты мастерства, какой до тебя ещё никто в проходческом деле не добивался...»

На щите новой машины — ровная площадка, вроде капитанского мостика. Становишься у штурвала и ведёшь подземный корабль вперёд.

Перед глазами — пульт управления. На нём множество кнопок, рычагов и рукояток. Понятно, что отбойный молоток подземному капитану не нужен. И всем проходчикам из его команды тоже. Породу крошат острые вращающиеся зубья. А подбирает — механический ковш. Он перекидывает земляную стружку на бесконечно движущуюся резиновую ленту транспортёра. С неё глина сыпается прямо в вагонетки.

Вот здесь нельзя зевать машинисту электровоза — нужно вовремя подавать порожние составы.

— Кучеряво живём! — поразился Некирка. — Получается, что я до земли и рукой не буду дотрагиваться. Глядишь, маникюр стану делать! — И он сунул в карманы свои заскорузлые, привыкшие к работе руки.

— Может быть, скоро, как говорится, только кнопки будем нажимать, — начал фантазировать Колесник. — А сами будем сидеть в садочке возле шахты. И небо будет над головой. Дед, ты б хотел, чтобы небо над головой...

— А кто за вас тюбинги в кольца собирать будет? — спросил бригадир.

К сожалению, этого машина делать ещё не умела.

— И жаль, — посетовал Некирка. — Эх, не додумали инженеры!

Дед тоже подумал: жаль! Но, с другой стороны, ему бы тогда, наверное, не хватало запаха вырытой земли, её приятного свежего холодка. Шахту он любил...

Чтобы ничто не задерживало проходчиков в работе, заготовили заранее тюбинги, под землю спустили дополнительные вагонетки. В тоннеле перед механизированным проходческим щитом появился красный транспарант «Начало скоростной проходки».

Здесь был старт.

Спокойно, без суеты каждый занял своё место — как определили ещё на занятиях.

Тихонович дал команду:

— Запускай!

Взвыли моторы. Завертелись острые зубья резачков. Побежала резиновая лента с земляной стружкой.

Теперь не зевай!

Вагонетки подходили одна за другой. Лавой валилась в них зеленовато-голубая глина. Через две минуты уже требовалась следующая вагонетка. Вася Некирка подавал составы, Колесник сгружал тюбинги, а Михаил Журов и Константин Иванов укладывали рельсы.

Вот первый нагруженный электровоз отошёл от щита. Сразу же подкатил второй. А на очереди ждал третий. Между ними втиснулся состав с низенькими платформами, груженными тюбингами.

— Давай порожняк!

— Не задерживай!

Только и слышались команды.

...Прошло лишь полтора часа с начала пуска. А проходчики успели выполнить два дневных задания.

— Попробуем перевести на вторую скорость...

На любых скоростях машина идёт плавно, врезаясь в кембрийскую глину, словно нож в масло.

— Не проходим, а прямо-таки летим под землёй, — сказал Иван Прудников.

— Дед, может быть, теперь мы вовсе и не проходчики? — спросил Некирка.

— А кто же?

— Не знаю, как назваться, но как-то по-другому...

И правда, кто они сейчас такие? Подземные лётчики или подземные моряки? Слесари-универсалы? Монтажники? Машинисты?..

...Как на полных парусах, мчался под землёй корабль-щит. Там, где на отбойных молотках строители проходили метро за десять месяцев, бригада Тихоновича вырыла тоннель за 31 день.

Это был мировой рекорд проходки!

До сих пор только лондонцы могли похвалиться, что они быстрее всех строят метро. Однажды они построили за месяц тоннель длиной 500 метров.

Дед побил англичан. Его бригада за месяц вырыла 676 метров!

Но Михаил Григорьевич посчитал, что этого мало. Он сказал:

— На такой машине можно больше тысячи метров в месяц пройти! Выдержит!

Такой уж Дед человек, что берётся решать самые трудные задачи.

ПЕРВЫЙ ПОЕЗД

Пока бригада Тихоновича прокладывала рельсы в тоннелях через подземную реку, без них установили на новых станциях эскалаторы, без них украсили станции мрамором и гранитом, побелили своды и навесили светильники.

Но пустить первый поезд без них, конечно, не могли. Так уж заведено, что первыми пассажирами в метро бывают те, кто его строил.

Впервые Михаил Григорьевич спускался на станцию «Площадь Мужества» на эскалаторе. Вот ведь сколько времени прошло с тех пор, как они вместе с весёлым парнем Серёгой загадали, что больше Дед не будет спускаться в этот тоннель в неказистой железной клетке лифта!

Впервые Тихонович не надел под землю каску и робу, не обул резиновые сапоги. Оставил их сушиться в тёплой бытовке. Сегодня на нём был чёрный нарядный костюм, белая крахмальная рубашка и яркий галстук.

Впервые Михаил Григорьевич взял с собой в новое метро внука.

Тихоновича увидел Василий Некирка и позвал:

— Дед, иди к нам. Теперь ты с внуком, так уж точно дед.

Станция была заполнена народом, как стадион во время футбольного матча. Оркестр играет победные марши. Алеют праздничные транспаранты. «С трудовой победой, товарищи метростроевцы!», «Ура — победителям!» Сверкает полировкой серый гранит стен. На торцовой стене пылает в ореоле жёлтых огней золотая звезда. На массивных металлических кронштейнах поднялись над головами огромные четырёхугольные чаши светильников — словно факелы Вечного огня, они горят мерцающим светом.

Мужеству ленинградцев во время Великой Отечественной войны обязана эта станция своим названием. Совсем недалеко от неё расположено Пискарёвское кладбище, где похоронены воины и жители Ленинграда, защищавшие свой город в годы блокады. 900 дней и 900 ночей боролись ленинградцы не щадя своей жизни.

И выстояли.

И тут ж, рядом, находится теперь тоннель, где держали экзамен на мужество метростроевцы. 848 дней и 848 ночей длилась их битва с подземной стихией. Плывун вынуждал и к отступлению, и к обороне, навязывал свои жёсткие условия... Всё вынесли на своих плечах славные ленинградские рабочие.

И победили.

...К перрону подали голубой экспресс. Проходчики заходили в вагоны не спеша, с достоинством. Без них поезд не уйдёт.

Обычно пассажиры торопятся занять диваны. А проходчики сразу облепили окна вагонов. Первый поезд движется медленнее обычного, и проходчики стараются разглядеть в тоннеле хорошо знакомые места.

— Смотри, вот тут никак не могли сомкнуть кольцо: тюбинги попались разные.

— А помнишь, здесь валуны взрывали?

— Тут затвор стоял...

— Где ж плотина была — что-то никак не могу разглядеть...

Но вот перестали мелькать ребристые стенки тюбингов, и поезд вкатился в красный тоннель.

За стальными стенками — трясина древнего русла. Но она уже не страшна! Накрепко отгорожен от неё прочными рубашками красный тоннель. Метро построено с гарантией на столетия!

— Наверное, пассажиры и не заметят, чем отличается этот тоннель от остальных, — сказал Алексей Малышев. — Будут себе читать книжки в пути или разговаривать с соседом.

— Даже за окно не посмотрят... — с сожалением добавил Костя Татаринович.

— Не памятник же здесь ставить, — сказал Дед.

Костя пожал плечами. Пожалуй, памятник в тоннеле не нужен. Но должны пассажиры обратить внимание на их красный тоннель — уж слишком тяжело он достался строителям!

— Может быть, стоит как раз посередине делать остановку... — предложил Некирка.

— Зачем?

— И ещё объявлять в громкоговоритель...

— И что бы ты сказал в громкоговоритель? — спросил Дед.

— Я бы сказал: «Тише, люди! Замрите! Отдайте дань уважения тем, кто здесь сражался в час испытаний». Вот что я бы сказал.

— Лишнее всё это, — проговорил Дед. — Рабочему человеку важен результат труда. Тысячи пассажиров едут в нашем метро — вот нам высшая награда!

И вдруг вмешался внучек Андрейка:

— Вы тут разговаривали, а я не разглядел красное метро.

Правда, поезд проскочил между станциями — не успели оглянуться.

— Не горюй, — утешил Дед. — Сейчас попросим машиниста: он провезёт ещё раз.

На первом поезде можно ездить хоть три часа туда и обратно.

И они катались, пока не надоело. Выходили на каждой станции, любовались их убранством. На «Лесной» понравились зелёные плитки, украшающие стены, и золотое солнце в торце. На «Политехнической» — свод, поддерживаемый медными балками... Но больше всего заинтересовала станция «Академическая». Там вдоль перронов на четырёхгранных колоннах висели портреты.

Андрейка подсчитал: их было восемьдесят. Он сразу узнал всех проходчиков, с которыми катался на первом поезде. И портрет своего деда отыскал тоже.

— А я знаю, — догадался он. — Это все, кто строил метро в подземной речке.

— Да, — коротко ответил Дед.

— Больше такой работы выполнять никогда не придётся, — добавил Некирка.

— Как сказать... — усмехнулся Михаил Григорьевич.

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

— Алло! Управление? Разрешите с вами проконсультироваться.

— Пожалуйста.

— В городе решено построить тоннель-санитар, чтобы в наших реках вода стала чистой и прозрачной. Хотим пригласить проходчиков принять участие.

— Что ж, не возражаем. Тоннели строить нам привычно.

— Не торопитесь с ответом. Подумайте хорошенько... Есть одна загвоздка...

— Какая?

— Дело в том, что тоннель-санитар должен пересечь древнее русло подземной реки.

— ОПЯТЬ!!!

— Ну так как: согласитесь? Или, может, нам лучше ещё раз перезвонить?

Наступило длинное томительное молчание, после которого, казалось, мог последовать только отказ. Но голос ответил:

— Да! Согласны!

Он родился сегодня. Его звали Дождик. Он был длинноногий и озорной, а может быть весёлый,— это как кому нравится. Родился он в солнечный день над маленьким садом у загородного дома и сколько сразу увидел красок: жёлтые тюльпаны, белые яблони и зелёные листья.

— Красотища! — крикнул Дождик. — А я сделаю их ещё лучше!

И что же, сказано — сделано! На тюльпанах от дождя появились прозрачные серёжки. А яблони? Он их просто окатил водой, и они забеспокоились: «Что это с нами? Какая-то тяжесть, и хочется спать. А-а, это мы, наверное, уже яблоки», — решили они про себя, заулыбались и успокоились.

А Дождик качался уже в голубом воздухе на тонких берёзовых качелях.

Потом он перескочил на крышу, отбил там дробь, скатился в бочку с водой и огляделся вокруг: с кем бы поиграть? Разве интересно веселиться одному?

И тут он увидел на крыльце маленького мальчишку, которого звали Васей. Он только что вышел гулять и держал в руке машину на верёвочке.

«Дринь-дринь!» — запрыгал Дождик на одной ноге. Вася заморгал глазами.

«Тим-тир-ям-тим-тим-там!» — заплясал Дождик, выкинув залихватское коленце. Вася улыбнулся.

Тогда Дождик налил большие лужи и плеснул в Васю водой. Вася засмеялся.

И какая у них началась кутерьма! Они подпрыгивали на одном месте, кто выше, строили друг другу смешные рожицы, хохотали. А потом принялись бегать наперегонки по улице. Добегут до одного конца, останутся, посмотрят друг на друга и с криком и хохотом бегут обратно. А потом Дождик вдруг р-раз и спрятался в тучу и стал подглядывать, что Вася станет делать. Тот хитро посмотрел на тучу и скрылся за забором. Дождик сидел и ждал — Вася не появлялся. «Что это могло бы означать?» — забеспокоился Дождик и на цыпочках, кап-кап-кап, подкрался к калитке. Вася выскочил — и опять они побежали, поскакали по лужам, причём Вася не пропустил ни одной. И только было собрались они кататься с крутой горки, у которой Дождик налил большую прекрасную лужу, как вышла Васина мама. Она схватила сына за руку и увела домой.

Дождик остался один. Игра кончилась. Вася сидел на кухне, мама кормила его кашей. Сначала он не хотел есть, смотрел на Дождик, а Дождик на него. Потом мама взяла книжку и стала её читать. И чем дальше она читала, тем быстрее Вася глотал кашу. Книжка, наверное, была очень интересная. Дождик всё смотрел на своего друга, потом прокатился по стеклу, оставил на прощание несколько прекрасных капель и отправился дальше.

А дальше был город, с разными улицами, на которых было много людей, таких же, как Вася. Только были они выше, а ноги у них были длиннее.

«Как они обрадуются мне, — подумал Дождь, — вот удача! Сейчас все будут прыгать и бегать, смеяться и веселиться. Ну, раз-два-три — догоняйте меня!»

Но никто не засмеялся и не запрыгал, все продолжали идти, да ещё накрылись лёгкими разноцветными крышами, которые называ-

лись зонтиками. «А! Это они играют со мной, — догадался Дождик. — Разрешите?! Я вас нашёл. Вот теперь я знаю, где вы». Но люди не обращали на него никакого внимания и шли дальше. И тут Дождик понял, что они не играют, а закрываются от него, что он им мешает, что он им не нужен.

Дождю стало грустно! И вдруг среди разноцветных зонтиков он увидел непокрытую голову. Это был человек и назывался Девушкой. Она медленно шла и о чём-то говорила с другим человеком, который шёл под зонтом и назывался Юношей.

— Знаешь что, — сказал Юноша, закрывая Девушку зонтиком, — пойдём в кафе, съедем по пирожку и переждём этот противный дождь.

Девушка отвела зонт и сказала:

— Сегодня такой день, я счастлива, потому что я люблю... — Она улыбнулась и добавила: — Потому что я люблю... дождь.

«Что? Что это?» — Дождь замер и повис в воздухе, а потом радостным и могучим ливнем хлынул на землю.

— Автобус! — крикнул Юноша, схватил Девушку за руку и припустил к домику на колёсах, к которому летело много зонтов с людьми.

Вот они прибежали, столпились у дверей, а потом все вместе стали исчезать в домике. Мелькали руки, зонтики, головы... Наконец дверь закрылась, и домик поехал. А рядом стояла Девушка. Она смеялась, махала руками человеку, который назывался Юношей и который, протиснувшись, кричал в окно:

— Что за штучки? Почему ты не села? Не забудь — сегодня идём к моей маме! Я тебе позвоню. До вечера-а...

Девушка шла и смеялась, а рядом с ней, не чуя ног, мчался Дождь. Он захлёбывался от радости, потом сорвал с неба радугу, воткнул её Девушке в волосы, на секунду от счастья потерял сознание, а когда очнулся — увидел: Девушка, сбросив туфли, тихо бредёт

по лужам, чуть покачивая головой и улыбаясь.

Дождь тоже закинул свои голубые хрустальные башмачки и так же медленно и тихо пошёл с ней рядом.

Он не заметил, как оказался у дома Девушки. Она стряхнула радугу с волос и то ли себе, то ли Дождю сказала: «До вечера!» — и вошла в подъезд.

«До вечера!» — У Дождя было назначено первое в жизни свидание. Это он так решил.

Что это был за вечер! Какой это был праздник! Замерли дома, статуи, мосты, вода в каналах, свет от фонарей и реклам. Всё застыло в ожидании. И вот в городе появился Дождь со своей песней. Он начал её тихо, без слов, но всё пришло в движение. Сухие лучи городского освещения, превратившись в потоки мокрого голубого, розового, белого цвета, понесли мелодию Дождя домам, а те, отражаясь в светящейся воде, стали покачиваться и подпевать ей в такт.

Разве приснилось бы когда-нибудь старой театральной тумбе, которая стоит на углу захолустной улочки, что она, подобно облакам, небу и деревьям, будет отражаться в воде? А сейчас, увидев себя, она от радости запела.

«Нельзя ли потише? — зашумела водосточная труба. — Из-за вас не понять, о чём поёт этот прекрасный молодой Дождь».

Действительно, слышались первые слова песни. «Лучше тебя ничего нет, — пел Дождь Девушке, — ни моего неба, ни земли, которую я сегодня увидел, лучше тебя ничего нет, ты — любовь моя!»

И песня Дождя то превращается в многоголосый гимн, то делается тихой, то бежит и волнуется в городских речках и каналах, то ста-

новится могучей и сильной в плавном движении реки.

И только одна Девушка не слышит: она сидит у стола с белой корбочкой, которая называется телефоном, и ждёт.

— Выходи, — зовёт Дождь.

Девушка молчит.

— Что-нибудь случилось? — тревожно стучит он в стекло.

Девушка смотрит и не видит.

— Что с тобой?! — Он бросает в окно целые пригоршни воды и опять, не дождавшись ответа, вместе с ветром уже не поёт, а кричит, становясь неистовым бешеным вихрем. Потом замолкает, прилипает к стеклу и не отрываясь смотрит на Девушку. И вдруг замечает на её лице несколько капель. Вначале Дождь не понимает, откуда они могли взяться, а затем догадывается — это не его капли, а совершенно другие. Он видит, как Девушка безуспешно пытается смахнуть эти капли, но они, как по зловому волшебству, появляются снова и снова.

Дождь делает отчаянные попытки проникнуть сквозь тонкое стекло, чтобы сбросить, уничтожить, смыть их, а когда понимает, что это невозможно, то от горя уже не может идти, а еле-еле добирается до тучи, утыкается в неё и затихает.

А наутро мама Туча, чмокнув по привычке в макушку своего взрослого сына, объявила, что надо отправляться дальше.

— Как называется место, где мы находимся? — спрашивает Дождь.

— Ленинград.

— Я никуда отсюда не уйду, здесь живёт Девушка, лучше которой нет ничего на свете.

Так они и остались в Ленинграде — и мама Туча, и её взрослый сын.

Вот почему в нашем городе так часто идёт Дождь.

Рис. Ю. Бочкарёва

Борис НИКОЛЬСКИЙ

Был ли четвёртый выстрел?

Не так давно вместе с группой ленинградских и московских писателей я побывал в Соединённых Штатах Америки. И вот случилось так, что однажды в Вашингтоне я опоздал на наш туристский автобус. Сначала я огорчился, но у меня был с собой подробный план города, на этом плане я наметил себе маршрут, который должен был привести меня в центр Вашингтона, к главным его достопримечательностям, и я храбро двинулся в путь.

Стояло субботнее утро, осеннее нежаркое солнце заливало город, на улицах было тихо и безлюдно. После небоскребов Нью-Йорка, после воя полицейских машин на улицах Сан-Франциско, после разбросанного на многие километры Лос-Анджелеса утренний Вашингтон казался уютным и чистым. И чем дальше я шёл, тем больше ощущение умиротворённости и покоя охватывало меня.

Я осмотрел огромную величественную статую Авраама Линкольна и пошёл дальше, к Арлингтонскому кладбищу. Я знал, что там похоронен президент Джон Кеннеди, и мне хотелось побывать на его могиле.

На Арлингтонском кладбище народу оказалось уже побольше: иностранные туристы, приезжие американцы — все, как я понял, направлялись туда, где был похоронен Кеннеди. Я отыскал боковую, пустынную дорожку, которая была усыпана опавшими листьями, и медленно побрёл по ней. Ощущение покоя и умиротворённости продолжало владеть мной.

Неожиданно громкая английская речь послышалась неподалёку за кустами. Кто-то спрашивал, как пройти к могиле Кеннеди. «Джона или Роберта?» — переспросили его.

Я остановился. Я словно бы заново вдруг увидел и эту ухоженную траву, и эти белые надгробия. Какой покой! Какая умиротворённость! «Ты лучше подумай, — сказал я себе, — куда и откуда ты идёшь! Ты идёшь от мемориала одного убитого президента к могиле другого, тоже убитого президента».

«Да что же это за страна такая, — думал я чуть позже, уже стоя возле плиты, под которой покоился Джон Кеннеди, — да что же это за страна такая, которая позволяет убивать своих президентов, а потом чтит их! Что за страна такая!»

Ведь стоило пройти немного дальше, и там, на этом же кладбище, можно было увидеть ещё одну могилу — могилу Роберта Кеннеди, брата президента. Он тоже мог стать президентом и, наверно, стал бы им, но был убит незадолго до выборов. Однажды Роберт Кеннеди сказал, что если станет президентом, непременно раскроет тайну убийства своего старшего брата. Не за эти ли слова он поплатился!

...Я вспомнил эту историю, вспомнил Вашингтон, кладбище, где похоронены братья Кеннеди, когда уже совсем недавно прочитал в газетах маленькую заметку о том, что группа учёных-экспертов, изучив старую магнитсфонную ленту, установила, что в Джона Кеннеди стреляли не три раза, как это утверждалось раньше, а четыре.

Впрочем, так ли это важно, так ли существенно — три или четыре выстрела было сделано по машине, в которой ехал президент Кеннеди по улицам Далласа больше пятнадцати лет назад!

Оказывается, существенно, и даже очень. Специальная комиссия конгресса расследовала в своё время обстоятельства убийства американского президента. Целые тома испи-

сала эта комиссия. И в результате пришла к выводу: президента убил преступник-одиночка Ли Харвард Освальд. Это он, мол, на свой страх и риск заранее прокрался со снайперской винтовкой в книжный склад и оттуда стрелял в президента. Почти сразу после покушения Освальд был схвачен и арестован. Но допросить его не удалось. Тут же, в полицейском участке, Освальд был убит выстрелом в упор. Убийцей Освальда был Джек Руби — владелец ночного бара в Далласе. Как сумел он оказаться рядом с тщательно охраняемым Освальдом, как проник в полицейский участок, кто помог ему в этом — всё это так и осталось тайной. Вскоре и сам Руби скончался в тюремном госпитале. А дальше — больше. Один за другим начали умирать, погибать,

пропадать без вести другие свидетели убийства Кеннеди. Кто уничтожал их? Почему? Уж не потому ли, что в Америке были люди, и притом весьма влиятельные, которые не желали, чтобы раскрылась истинная картина убийства Кеннеди!

Юристы, прогрессивные писатели, журналисты пробовали самостоятельно расследовать это дело. Выдвигались разные версии. Но все сходились в одном: был заговор. Ли Харвард Освальд был не одинок. Более того, возможно, он был лишь пешкой в затевавшемся преступлении. А в заговоре участвовали куда более значительные фигуры: нефтяные короли Техаса, кубинские контрреволюционеры, деятели из Центрального разведывательного управления — у всех у них были свои причины ненавидеть Кеннеди. И не они ли руками наёмных убийц свели счёты с президентом!

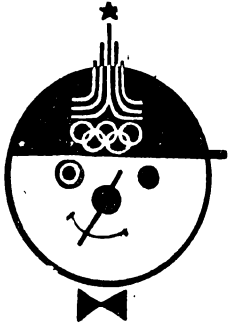
И вот, оказывается, звук четвёртого выстрела, зафиксированный магнитофонной лентой в момент убийства Кеннеди и обнаруженный теперь экспертами, как раз и доказывает: убийца не был одиночкой, потому что произвести четыре выстрела за столь короткий срок одному человеку невозможно. Выходит, стрелял не один человек, а, по крайней мере, двое. Следовательно, утверждение, будто задумал убить президента и убил один Освальд, несостоятельно. Следовательно, существовал заговор. С неохотой, с оговорками возможность заговора признаёт теперь и комиссия конгресса. Признавать-то признаёт, но, похоже, одновременно прилагает все усилия для того, чтобы опять замаять это дело.

Рано или поздно правда об убийстве Джона Кеннеди, наверно, станет известна. А пока...

А пока страна, которая так любит ставить себя в пример всему миру, так кичится своими законами, так любит распространяться о правах человека, эта страна вот уже в течение пятнадцати лет оказывается не в силах ответить на один вопрос: кто и почему убил президента Джона Кеннеди!..

Рис. Н. Нефёдова

**КЛУБ
«ОЛИМПИЙСКИЙ
ХРОНОМЕТР»**

Клуб «Олимпийский хронометр» вновь открыт, и опять перед вами со своими рассказами — Архивариус. Сегодня вы узнаете о спортсменах-антифашистах, о тех олимпийцах, которые в годы войны боролись против фашистов с оружием в руках.

ГЕРОИ-ОЛИМПИЙЦЫ

После 1896 года Олимпийские игры не смогли состояться лишь дважды, и оба раза по вине Германии — сначала кайзеровской, развязавшей первую мировую войну, затем гитлеровской, начавшей войну вторую мировую.

Вчерашние олимпийцы становились солдатами. Многие из них погибли, защищая свою Родину от фашистских полчищ. Был среди них и польский атлет Януш Кусочиньски.

ЯНУШ КУСОЧИНСКИ

...31 июля 1932 года, впервые за два десятка лет, финские бегуны, признанные мастера на десятикилометровой дистанции, остались без золотой медали. Впервые она уезжала в Польшу. Виновником этого события стал польский спортсмен Януш Кусочиньски.

Можно себе представить, с каким восторгом встречала Польша своего триумфатора. И дело тут было не только в медали: за несколько лет до Олимпиады Януш Кусочиньски, казалось, навсегда распростился со спортом — перенёс тяжёлую травму колена. И не только вернулся в строй, но и возвращался теперь победителем.

Никто не думал тогда, что это последняя для него Олимпиада.

Буквально через несколько месяцев сказала старая травма. Пришлось перенести сложнейшую операцию, после которой и врачи, и знатоки спорта с горечью вынуждены были признать, что никогда больше Януш не выйдет на беговую дорожку. И действительно, долгих четыре года фамилия Кусочиньски не встречалась в судейских спортивных протоколах.

Но, как писал Януш о самом себе в своём дневнике, он «всегда и во всём был упрямым и непокорным».

Не покорился он и на этот раз. К великому удивлению врачей, специалистов, болельщиков, он начинает тренировки и снова выходит на беговую дорожку. И не просто выходит: бьёт рекорды Польши на длинных дистанциях, которые были установлены в его отсутствие, побеждает сильнейших европейских стайеров на различных соревнованиях.

К великой радости болельщиков, Януша снова включают в олимпийскую команду. Адрес Олимпиады уже известен: Хельсинки, 1940 год.

Но Олимпиада не состоялась. Осенью 1939 года фашистские войска вторглись в Польшу.

Януш в рядах Войска Польского обороняет Варшаву. Он командует отделением тяжёлых пулемётов. Раненный в руку, он остаётся в строю. Второе ранение, на этот раз в бедро. Но и теперь, несмотря на уговоры товарищей, он остаётся. Лишь когда от потери крови Януш теряет сознание, товарищи выносят его с поля боя.

За оборону Варшавы Януша награждают орденом.

Но силы слишком неравны. Скоро всю Польшу оккупируют фашисты. Едва выйдя из госпиталя, Януш продолжает борьбу — становится солдатом-подпольщиком.

Гестапо нападает на след организации. В конце марта 1940 года Януша арестовывают. Несмотря на пытки и истязания, он не выдаёт никого из своих товарищей.

А 21 июля он был расстрелян. Это случилось в 1940 году, в год Олимпиады, которая не состоялась.

БИРГЕР РУУД

В 1940 году фашистские войска высадились в Норвегии.

Первое время они ещё делали вид, что это вовсе не оккупация страны, а, так сказать, солдатский «визит вежливости»: в Норвегии они находят... «по приглашению».

А чтобы убедить в этом мировое общественное мнение, а заодно и самих норвежцев, фашистское командование разработало специальный план совместных с норвежцами культурных и спортивных мероприятий.

По одному из таких планов, в соревновании немецких и норвежских лыжников должен был принять участие знаменитый прыгун с трамплина Биргер Рууд, олимпийский чемпион 1932 и 1936 годов.

Уже были расклеены афиши, извещавшие о столь радостном событии. Дело оставалось за самим олимпийским чемпионом.

Но Биргер Рууд оказался человеком несговорчивым:

— Ни в каких соревнованиях с оккупантами я участвовать не буду. Тогда гестаповцы дали понять, что такая несговорчивость может стоить чемпиону головы.

Биргер Рууд остался непреклонен.

Его не расстреляли. Его бросили в концлагерь, заменив мгновенную смерть медленным умиранием.

Освободили олимпийского чемпиона в 1945 году советские войска. А через три года Биргер Рууд снова выступал на трамплине, прибавив на V зимних играх к своей золотой коллекции серебряную медаль.

БРАТЬЯ ЩЕРБАКОВЫ

Братья Щербаковы были боксёрами. Правда, послужной список Сергея выглядел более внушительно: пятьдесят боёв, сорок две победы, восемь поражений. Но Вячеслав полагал, что станет обладателем такого же списка — дело, как говорится, наживное. Силы и упорства братьям не занимать.

Может даже так случиться, что западные спортивные руководители наконец перестанут не замечать Советский Союз, и советские спортсмены примут участие в очередных Олимпийских играх.

Все планы были перечёркнуты воскресным июньским днём 1941 года. Фашистская Германия напала на СССР.

Вячеслав принял свой первый бой на западной границе.

Сергей — в районе городка Сухиничи.

Весной 1943 года оба брата встретились в Москве. Невесёлой была эта встреча. Левый пустой рукав Вячеслава был приколот к гимнастёрке. Сергей с трудом передвигался на костылях: обе ноги были прострелены, правая не сгибалась.

Даже людям далёким от спорта была ясно: с боксом для братьев навсегда кончено.

Но произошло то, во что никто не верил — оба брата вернулись на ринг.

Сергей не только стал многократным чемпионом Советского Союза, но и участником XV Олимпийских игр. Здесь, в Хельсинки, осуществилась его заветная мечта: он стал серебряным призёром Олимпиады. А ведь ему уже было тридцать четыре года, за его плечами полтора года суровой войны и два тяжёлых ранения.

Вячеслав вернулся на ринг тренером. В Олимпийских играх ему не довелось участвовать. Но два его ученика — В. Меднов и А. Перов на тех же XV играх завоевали для нашей страны две олимпийские медали: Меднов стал серебряным призёром, Перов — бронзовым.

Рис. Н. Нефёдова

АРХИВАРИУС

Внимание: КОНКУРС!

Как только в «Искорке» № 12 за прошлый год появился весёлый рисунок Гвидона Миклашевского, юные поэты и даже те, кто никогда ими не был, засучили рукава и принялись сочинять остроумные подписи. У многих это была уже не первая попытка отличиться. А новички страшно волновались и переживали: как жюри оценит их произведение?

Следует отметить, что большинство подписей, к сожалению, не отличалось оригинальностью. Если в них встречалось слово «пёс», то у него было имя Барбос. И во множестве вариантов строчки рассказывали о том, что ленивый мальчик не очень любил мыть уши, а друг человека — собака выручала его в этом скучном и канительном занятии.

Возможно, что качество стихов страдало от спешки, а она была. Две девочки, работавшие в творческом содружестве, с гордостью сообщили: «Этот маленький стишок мы сочинили буквально в одну минуту». А из опыта известно, что писать короткие стихи труднее, потому что в нескольких словах надо выразить многое.

Жюри очень обрадовалось, когда среди произведений острословов обнаружилось два четверостишия, несколько отличавшиеся от прочих своих собратьев. Вот один из вариантов подписей ученицы 3-го класса 318-й школы Вероники Ермичевой:

Был назначен я недаром

В нашем классе санитаром:

**По утрам любимый пёс
Моет уши мне и нос!**

А вот как вышел из трудного положения Андрей Макаров — ученик 7-а класса Андомской школы № 3 Вологодской области:

**Поутру умылся Лёха,
Но умылся, видно, плохо!
Бобик сзади подошёл
И за ухом грязь нашёл!**

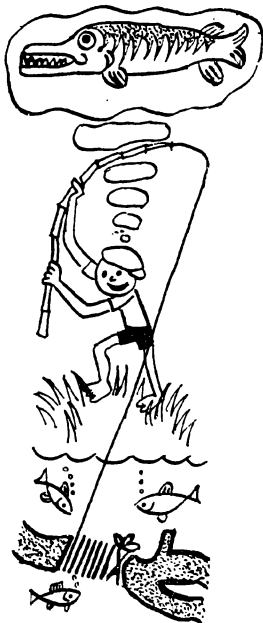
Этим острословам будут высланы весёлые призы.

Жюри благодарит всех участников конкурса и желает им успехов в следующих соревнованиях острословов. А сейчас, в связи с приближением лета, даём новое задание.

Придумайте остроумную подпись (лучше в стихах) под этот рисунок. Срок — до 1 августа. Но не торопитесь, ибо пословица утверждает: «Поспешишь — людей насмешишь!»

Желаем успеха!

ЖЮРИ

...одним из экспонатов зоопарка в Дюссельдорфе [ФРГ] стал... обыкновенный майский жук! В результате индустриализации Рурской области эти насекомые, ранее очень распространённые в этих местах, сейчас почти полностью вымерли. На клетке, в которой живёт майский жук, установлена табличка: «В Рурской области встречается исключительно редко, ибо очень чувствителен к загрязнению окружающей среды».

...житель нашего города, режиссёр студии «Леннаучфильм» С. С. Миллер собрал единственную в своём роде коллекцию шариковых ручек! Она даёт представление о прошлом, настоящем и будущем этого пишущего инструмента XX века. Открывает коллекцию первая советская шариковая ручка «школьная», выпущенная фабрикой «Возрождение» ещё в 1938 году. Коллекционер мог бы снабдить шариковыми ручками из своей коллекции учеников большой школы с первого и до десятого класса, причём каждый школьник стал бы обладателем уникального, ничем не похожего на другие, орудием для письма.

...в значительной части дорожно-транспортных происшествий пострадавшими оказываются дети! Гарантирует их безопасность только знание и строгое соблюдение правил дорожного движения. В нашей стране уже в детском саду малыши знакомятся с азбу-

кой движения, учатся «читать» светофор, сигналы милиционера - регулировщика. В школах для первоклассников имеются красочные комплекты наглядной агитации по безопасности движения. Организуются секции «Юный инспектор движения». Задача их — пропагандировать правила дорожного движения, обеспечение порядка на улицах в районе школы. Помните: автомобиль, идущий со скоростью 60 километров в час, в одну секунду проезжает 17 метров. Тормозной путь машины при такой скорости по сухой, хорошей дороге — 27 метров. Будьте внимательны!

...Риму — «вечному городу» — исполнилось 2732 года! Жители итальянской столицы торжественно отметили день основания города — 21 апреля.

...во время закладки фундамента под новое здание на окраине города Раздана [Армения] строители на глубине 10 метров обнаружили кувшин со сливочным маслом! Кувшин находился там, по определению учёных, более 600 лет. Находка хорошо сохранилась. По мнению специалистов, жирные кислоты, разлагаясь, образовали вещества, которые стали своеобразной «защитной рубашкой». Анализ их поможет разгадать «секрет» долголетия масла.

...за годы независимости Алжирская Народная Демократическая Республика добилась значительных успехов в области народного образования! Более чем в три раза увеличилось число школьников! В нынешнем учебном году за парты сели свыше трёх миллионов детей. Практически начальное образование в республике стало всеобщим.

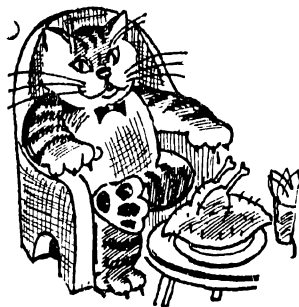
...пиранья одна из самых хищных и опасных рыб! Она обитает главным образом в реках Бразилии. Хищные рыбы стаями нападают на домашний скот во время водопоя. Против них ищут различные меры защиты. Успешно, например, прошли опыты по переселению других рыб — врагов пираньи, в частности тукунара.

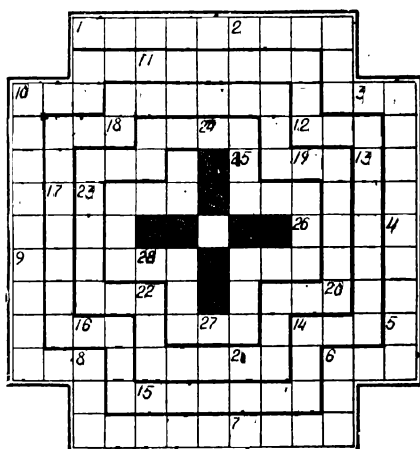

...в непроходимых джунглях острова Минданао [Филиппины] обнаружено не известное науке кочевое племя лесных людей! Это племя тала-андиг («дикие люди»), обитающее в горном районе на границе провинций Букиднон и Агусан. По мнению филиппинских антропологов, связь племени с внешним миром прервалась в начале нашей эры, и культура этих людей застыла на уровне того времени.

...самого богатого кота Великобритании зовут Блэки! Недавно было обнаружено завещание некой миссис Айви Мэйбл, по которому кот получит наследство в 44 600 долларов.

В таких чайнвордах слова «сцеплены» не одной, а двумя буквами. Например: АкуЛАвочКАмеРА и т. д.

1. Овощное растение — томат. 2. Любое живое существо. 3. Специалист по отлову змей. 4. Глубокий размыв почвы временными водотоками. 5. Нарядная пряжка, застёжка. 6. Дельфин. 7. Металлический колпачок, применяемый при ручном шитье. 8. Часть города или села, удалённая от его центра и примыкающая к его границе. 9. Женское имя. 10. Специалист-практик по лечению зубов. 11. Известковое образование, свешивающееся с потолка пещеры. 12. Остров в составе Ионических остро-

вов. 13. Подставка для нескольких свечей. 14. Нарушитель закона об охоте и рыбной ловле. 15. Столица союзной республики. 16. Государство в Европе. 17. Древнегреческий странствующий исполнитель эпических поэм. 18. Состояние, положение одинокого человека. 19. Конь чёрной масти. 20. Название плоскогорья в Якутской АССР, являющегося полюсом холода Северного полушария. 21. Muskusная крыса. 22. Математический знак действия извлечения корня. 23. Одно из основных понятий математики, абстрагируемых непосредственно из опыта. 24. Род многолетних растений семейства зонтичных. 25. Числовой или буквенный указатель. 26. Ударный музыкальный инструмент. 27. Персонаж романа в стихах А. С. Пушкина. 28. Свойство материальных тел, проявляющееся в сохранении ими неизменным состояния движения или покоя.

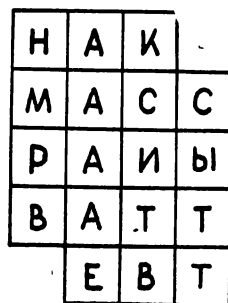

ХОДОМ КОНЯ

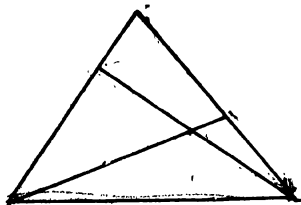
Обойдите клетки этой фигуры ходом коня так, чтобы из букв, записанных в клетках, сложилась русская народная пословица.

Начинать обход следует с буквы «Н».

Какие буквы в этом рисунке встречаются всего один раз и какие два четырёхбуквенных слова можно из них составить?

ЗАДАЧА С ТРЕУГОЛЬНИКОМ

Как вы думаете, сколько треугольников изображено на этом рисунке?

Проверь себя

[Ответы к «Искорке» № 4]

ПЛЕТЁНКА

По вертикали: Ноктюрн. Сардина. Сборник. Словарь. Форшмак. Хвост. Ножницы.

По горизонтали: Адвокат. Вкладыш. Ваятель. Нарцисс. Наречие. Предмет. Сморок.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАДАЧА

Голубая чашка, Школа, Горячий камень, Дальние страны, Судьба барабанщика, Р. В. С.

ЗАДАЧА СО СЛОГАМИ

Круп. Пафос. Фосфор. Форте. Тенор. Нормаль. Мальта. Табун. Бункер. Керкет.

МИНИ-РЕБУС

Прививка = П + (т)ри + В И В К А.

РЕБУС-МАЛЮТКА

Привычка = П + (т)ри + В + (л)ычка.

Содержание

Барабанщик впереди. Стихотворение Владимира Орлова . . .	1
На Ивановской, 14, на Мойке, 32. Очерк Василия Островского	2
Ника. Окончание повести Николая Фёдорова	10
«Играют, поют про Дунай голубой...» Стихотворение Владимира Чурносова	17
Кинодокументы. Стихотворение Анатолия Матюнина	17
Родные просторы. Этюды о природе Сергея Воронина . .	18
Стихотворения Вениамина Тимакова	24
Соратник Ленина. Главы из повести Валерия Воскобойникова	26
Экзамен. Стихотворение С. Трекунова	30
Артисты из Атлантики. Рассказ Александра Гостомылова	31
Морская застава. Репортаж Ю. Ковешникова	34
Как стать взрослым. Очерк И. Тесленко	37
Красный тоннель. Окончание повести Ирины Кирпичниковой	42
Сказка про ленинградский Дождь Валентины Киселёвой .	53
Был ли четвёртый выстрел? Заметки о международной жизни Бориса Никольского . . .	56
Герои-олимпийцы. Заседание клуба «Олимпийский хронометр»	58
Внимание: конкурс!	61
Знаешь ли ты, что	62
Клуб смекалистых ребят . . .	63

На 1-й странице обложки рисунок Ю. Бочкарёва «Пришёл солдат с фронта».

На 2-й странице обложки фотоэтиюд О. Миронца «Идут пионеры».

На 3-й странице обложки фотоэтиюд П. Маркина «Весенние песни».

На 4-й странице обложки рисунок Л. Московского «Буду Айболитом».

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

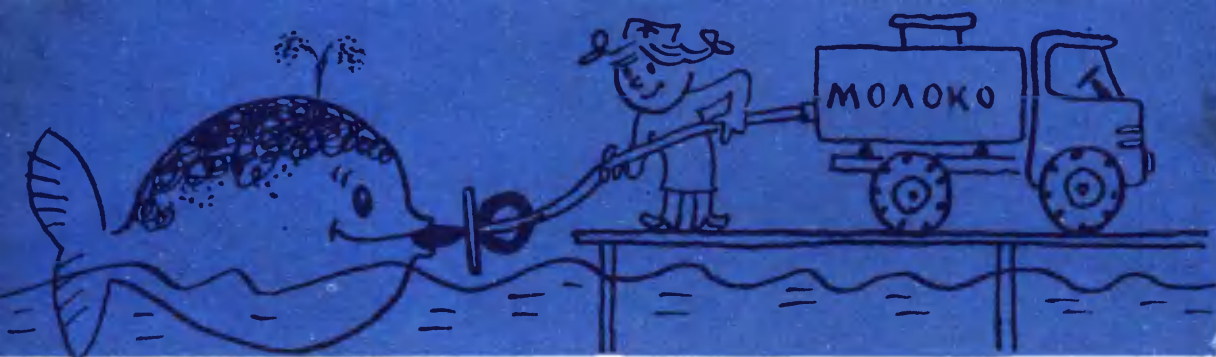
ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов, Н. А. Внуков, К. И. Курбатов, А. М. Млодик, Б. Н. Никольский, В. Н. Суслов, И. А. Туричин.

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 29.03 1979 г. Подписано к печати 16.05 1979 г. 4 п. л. М-20098. Зак. № 96. Формат бумаги 70×108^{1/16}. Цена 10 коп. Тираж 55 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата. 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Буду
Айболитом

